

Ю.А. Бельчиков

Русский язык

XX век

Москва 2003

Печатается по постановлению Ученого совета
факультета иностранных языков МГУ
им. М.В. Ломоносова

Книга профессора МГУ Ю.А. Бельчикова посвящена вопросам развития и функционирования русского литературного языка в XX веке, особое внимание уделяется языковой эволюции конца XX – начала XXI столетия. Автор рассматривает актуальные вопросы современной лексикографии, культуры русской речи, проблемы соотношения языка и культуры, исследует язык и стиль писателей (А. Ахматовой, В. Астафьева, В. Шукшина и др.).

ISBN 5-94556-031-6

К 75-ЛЕТИЮ ЮЛИЯ АБРАМОВИЧА БЕЛЬЧИКОВА

13 февраля 2003 г. исполнилось 75 лет замечательному ученому доктору филологических наук профессору Юлию Абрамовичу Бельчикову.

Юлий Абрамович относится к тем, кто – в полном смысле этого слова – живет наукой. И настоящая наука живет именно в творчестве таких ученых, как Ю.А. Бельчиков. Наверное, все-таки древние греки были правы, что существует некий Эрос Науки, сила, притягивающая студентов, аспирантов, уже сложившихся исследователей к вечному поиску законов бытования Слова.

И этот Эрос Науки исходит в конечном счете от человека, от Личности, а не от диссертаций и монографий.

Личность Ю.А. Бельчикова уникальна. Вокруг него всегда люди, потому что с ним очень хочется общаться. Он как бы окружен неким полем. Полем – не только бесконечной эрудиции, творческой мысли и научного диалогизма, но и добра, доброжелательности, юмора.

Более чем пятидесятилетняя научно-педагогическая биография Юлия Абрамовича чрезвычайно плодотворна и – при всем почти невероятном разнообразии и многоцветии – цельна, выдержана в единой творческой тональности. Может быть, дело в том, что у Юлия Абрамовича был настоящий учитель, о котором каждый из нас мог бы только мечтать, – В.В. Виноградов.

Еще в студенческие годы под влиянием академика Виноградова Ю.А. Бельчиков определяется в той научной стратегии, которая в дальнейшем даст ему возможность, рассматривая широчайший спектр научных проблем, тем не менее сводить их в единый гармонический и в высшей степени плодотворный фокус. Можно было бы определить эту стратегию-фокус следующим образом: диалектика диахронии и синхронии русского языка, поиск тех ключевых параметров (механизмов, законов и т. д.), которые делают бесконечно развивающийся (подчас стремительно, революционно) язык цельным, единым, сохраняющим преемственность и стабильность. Поиск общего в частном, “аналогии” в “аномалии”, “вечного” в “преходящем”.

Уже начиная с дипломной работы “К изучению общественно-политической лексики В.Г. Белинского”, отмеченной Ученым советом МГУ среди лучших дипломов 1951 г., и далее – к кандидатской диссертации

(1954), выполненной под руководством В.В. Виноградова, и диссертации докторской (“Вопросы соотношения разговорной и книжной лексики в русском литературном языке второй половины XIX столетия”, 1974 г.) – найденная Юлием Абрамовичем стратегия научного поиска расширяется, углубляется, оттачивается. Этот процесс ясно отражен в многочисленных статьях, монографиях, выступлениях (Ю.А. Бельчиков автор более чем 470 научных работ).

Юлий Абрамович обосновывает ряд очень продуктивных идей: о публицистичности как одной из доминант развития русского языка послепушкинского периода; о взаимодействии литературного языка и народно-речевой стихии, определившем в конечном счете фарватер развития русского языка второй половины XIX в.; о функциональных стилях как многомерной системе; об органической связи современных тенденций развития языка с пушкинской реформой; о теоретических основах ортологии как научной дисциплины о правильности речи; о словах-концептах, являющихся некими константами исторического развития лексики русского языка.

Данный ряд можно было бы продолжить.

Все эти идеи Ю.А. Бельчиков (не могу сказать – “излагает”), обсуждает, проговаривает в “равном” диалоге и – соответственно – развивает со студентами, аспирантами, магистрантами и соискателями в своих базовых курсах и спецкурсах: “Современный русский язык”, “Стилистика русского языка”, “Ортология”, “Введение в языкознание”, “Общее языкознание”, “История лингвистических учений”, “Общая лексикография”, “История русской лексикографии”, “Из истории русского языкознания: В.В. Виноградов”, “Вопросы соотношения языка и культуры в русской филологической традиции” и многих других, перечень которых занял бы еще немало места.

Юлий Абрамович работал преподавателем и доцентом на факультете журналистики МГУ, профессором Института русского языка им. А.С. Пушкина и директором филиала ИРЯП в Праге... В настоящее время Ю.А. Бельчиков – профессор факультета иностранных языков МГУ. “Послужной список” профессора Бельчикова впечатляет. “География” его научно-педагогической деятельности – от Чехии до Франции, от Монголии до Финляндии.

Юлий Абрамович награжден многими медалями (“Ветеран труда”, медалями Й. Юнгмана, Пражского университета, университета им. Э. Пуркене в Брно и др.). Широко известны в лингвистическом мире фундаментальные труды Ю.А. Бельчикова: “Русский литературный

язык во второй половине XIX в.”, “Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения”, “Словарь паронимов русского языка” (в соавторстве с М.С. Панюшевой), “Г.И. Успенский”, “Интернациональная терминология в современном русском языке”, “Stilistika sovremennogo russkogo jazyka. Lekcii” (издано Карловым университетом), “Russian readings for close analysis. With grammatical materials and tables” (совместно с проф. Ч.Е. Таусендом), “Стилистика и культура речи”, “Русский литературный язык: стилистика, лексика, история” и др.

Ю.А. Бельчиков член Научного совета “Русский язык” РАН, Комиссии по научному наследию академика В.В. Виноградова, Союза журналистов и Союза писателей Москвы, совета и редсовета Общества любителей российской словесности, ряда редколлегий, диссертационных советов, действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. И дело здесь, конечно, не в “членствах” и “званиях”, а в неутомимой жажде деятельности, служения науке, языку, людям.

Юлий Абрамович – человек “неформальный” в принципе. Рутинна, шаблон, официоз, “административный этикет” – все это не для него.

Главное, пожалуй, человеческое качество Юлия Абрамовича – доброта и отзывчивость к людям. И эта доброта и отзывчивость сочетаются в нем с почти невероятной в наши нервные времена гармоничной уравновешенностью, которая была присуща легендарным древним мудрецам.

Мы, все, кто любят профессора Ю.А. Бельчикова, его коллеги, ученики, поздравляем Юлиа Абрамовича со славным юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, счастья, успехов и постоянного творческого горения.

Доктор культурологии,
профессор В.С. Елистратов

Раздел первый

Из истории русского литературного языка XX века

О понятии

“современный русский язык”¹

Правильное, научное понимание синхронного состояния и процессов эволюции современного русского языка, исторически обоснованное их объяснение предполагает осведомленность и достаточно четкое ориентирование в вопросе о хронологических границах современного русского языка.

Сложилось двоякое понимание термина “современный русский язык” и осмысление соответствующего понятия.

Прежде всего современный русский язык – это язык, нашедший отражение в текстах, созданных носителями русского литературного языка начиная с эпохи Пушкина (примерно с 30-х гг. XIX в.) до наших дней, и существующий в современной устной речевой коммуникации на уровне носителей литературного языка, т. е. в устной публичной речи, в языке радио, кино, телевизионной речи и в разговорной литературной речи. Такое понимание “современного русского языка”, несмотря на появившиеся уточнения его хронологических границ², остается действительным. Именно в языке Пушкина, в 20–30-е гг. XIX в., сложился тот костяк литературного языка, та общенациональная норма литературного выражения, которые служат основой дальнейшего развития и литературного словаря, и грамматики, и фонетического строя, и орфоэпии, и системы функциональных разновидностей литературного языка вплоть до настоящего времени. “Стихи и проза Пушкина, – писал В.В. Виноградов, осуществляли задачу закрепления национально-языковой литературной нормы, общепонятной и стилистически многообразной”. [Виноградов, 1953, с. 7–8].

Русский литературный язык вплоть до наших дней развивается по пути укрепления и углубления общенациональной нормы, расширения ее функционально-стилевого “плацдарма” (распространения ее, с одной стороны, на сферу выражения абстрактных идей “языка учености, политики и философии”, по выражению Пушкина, с другой – на разговорную литературную речь), дальнейшей структурализации и конкретизации в русле именно тех принципов организации языковых средств, композиционно-речевой структуры литературных текстов, которые были определены Пушкиным и закреплены, утверждены им в его авторской практике.

Движение русского литературного языка послепушкинского периода, определенное реформой Пушкина, отчетливо осознавалось деятелями русской культуры, в своей авторской практике развивавшими пушкинские стилистические принципы. Так, В.Г. Белинский говорил:

“Дальнейший прогресс для языка (после Пушкина. – Ю.Б.) будет уже не столько со стороны формы, сколько со стороны содержания” [1955, т. 9, с. 224]. Несколько позже аналогичную мысль выскажет Д. И. Писарев, сформулировав при этом один из главных принципов единой общенациональной нормы: “Теперь внимание читателей безраздельно направляется на содержание, т. е. на мысль. От формы требуется только, чтобы она не мешала содержанию, чтобы тяжелые и запутанные обороты речи не затрудняли развитие мысли. По нашим теперешним понятиям красота языка заключается единственно в его ясности и выразительности” [1956, т. 3, с. 10].

Как всякое исторически обусловленное явление, литературный язык, в том числе, разумеется, и русский, развивается, постепенно изменяясь. В XX столетии под решающим воздействием коренных преобразований социально-экономической, политической, культурной жизни страны, обусловленных Октябрьской революцией и строительством нового общества, в русском литературном языке наблюдаются существенные изменения как в его основных структурных разрядах, так и особенно в сфере функционирования. Однако русский литературный язык советской эпохи остается в рамках единого исторического периода, определяемого как послепушкинский. “Пушкин для нас еще, конечно, вполне жив, – писал Л.В. Щерба в конце 30-х гг., – почти ничего в его языке нас не шокирует. И, однако, было бы смешно думать, что сейчас можно писать в смысле языка вполне по-пушкински” [1957, с. 135].

Как видим, уже в 30-е гг. ощущалась необходимость в конкретизированном представлении о частном периоде в исторической эволюции “современного русского языка”, отражающем известные изменения в русском литературном языке первых десятилетий XX в.

Понимание собственно современного русского языка определяющее его границы рубежом XIX – XX вв. [Виноградов, 1966; Ожегов, 1974, с. 333], складывается в 40–60-е гг. Уточнение хронологических границ современного русского языка было обусловлено, с одной стороны, теми изменениями, которые происходят в нашем литературном языке, в социальных условиях его существования, в системе литературных норм, внутри основных стилей, в функциональном расслоении, расширении, усложнении и развитии общественных функций литературного языка, в его стилистической структуре, в русской литературной лексике, фразеологии, в словообразовании, отчасти – синтаксисе. (Этим вопросам посвящена довольно обширная библиография. Для общего ознакомления с ними полезно обратиться к таким изданиям,

как “Русский язык и советское общество”. Т. 1–4. М., 1968; “Русский язык в современном мире”. М., 1974; “Русский язык. Энциклопедия”, изд. 2, доп. и перераб., М., 1997, Шведова Н.Ю. и др. Русский язык как средство межнационального и международного общения//Изв. АН СССР ОЛЯ, 1987, № 5).

С другой стороны, такое уточнение определяется общим состоянием русского литературного языка к концу XIX в., для которого была характерна достаточно разветвленная система стилей, хорошо разработанная стилистическая дифференциация речевых средств, высокая степень нормализованности; на последние десятилетия XIX в. приходится начальный этап формирования тех литературных норм, которые будут действовать в XX столетии [Бельчиков, 1974, с. 180–185]. С этой суммарной характеристикой русского литературного языка на рубеже XIX–XX вв. соотносительна, созвучна такая немаловажная деталь современной лексикографической практики: большинство словарей советского времени, как показывают наблюдения, в определении лексико-семантических и грамматических норм, стилистических помет опирается на литературные источники, изданные преимущественно не ранее конца XIX в.

Литература

Горбачевич, 1971 – Горбачевич К.С. Изменение норм современного русского языка, Л., 1971.

Виноградов, 1953 – Виноградов В.В. Язык Гоголя и его значение в истории русского литературного языка//Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. III, М., 1953.

Белинский, 1955 – Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 13 тт., т. 9, М., 1955.

Писарев, 1956 – Писарев Д.И. Собр. соч. в 4 тт., М., 1956.

Щерба, 1957 – Щерба Л.В. Избр. работы по русскому языку, М., 1957.

Виноградов, 1966 – Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания//Вопросы языкознания, 1966, № 6.

Ожегов, 1974 – Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974.

Ожегов, 1946 – Ожегов С.И. Советские словари//Советская книга, 1946, № 10–11.

Бельчиков, 2001 – Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX века, М., 1974.

Язык Пушкина в освещении академика В.В. Виноградова (к вопросу о понятии “современный русский язык”)³

Исследование языка Пушкина занимает одно из центральных мест в научном наследии академика В.В. Виноградова. Он рассматривает язык Пушкина в связи с историей русского литературного языка, с историей языка русской литературы, в контексте исторической смены поэтических форм словесного искусства (и истории этих форм), проводит глубокий разноаспектный анализ речевой и композиционно-речевой структуры пушкинских произведений, в целом – стиля Пушкина, считая, что “язык самого Пушкина является высшим воплощением национально-русского поэтического стиля” (Виноградов, 1949, с. 31). При этом Виноградов рассматривает историю русского литературного языка, во всяком случае – с конца XVIII в., в сопряжении с историей русской литературы, с историческим движением художественно-беллетристических стилей.

Если рассматривать работы Виноградова о Пушкине в контексте других его работ о языке русских писателей (от Карамзина и Дмитриева до Гоголя и Л. Толстого), то Пушкин, его язык представляется тем фокусом, центром притяжения и источником дальнейшего развития поэтического языка, к которому устремлены и соответственно получают импульсы развитие, преобразования, поступательное движение художественно-“поэтических”, стихотворных и художественно-беллетристических стилей последней трети XVIII–XIX вв.

Так, в результате изучения стилистической реформы и авторской речевой практики Карамзина Виноградов (и это отмечалось рецензентами – см., напр., Кораллов, 1962; Степанов, 1963) показал место Карамзина в истории русских художественно-беллетристических стилей, его роль в подготовке пушкинской эпохи, в истории русской литературы и истории русского литературного языка. Исследуя поэтический и стилистический опыт И.И. Дмитриева, Виноградов подчеркивал: “Попытка И.И. Дмитриева, шедшего вслед за Карамзиным, выработать общенациональную норму русского литературного выражения на основе реформированной системы среднего стиля представляла собой необходимый этап на пути русского литературного языка эпохи

классицизма с его “тремя штилями” к новому русскому литературному языку первой трети XIX в. – к языку Жуковского, Крылова, Грибоедова и Пушкина” (Виноградов, 1990).

Обращаясь к послепушкинскому периоду в истории русской литературы и русского литературного языка, Виноградов связывает историю языка русской литературы и русского литературного языка в целом именно с тем, что писатели “пушкинской школы” и прежде всего Гоголь пошли по пути дальнейшего “сближения литературного языка с разговорными стилями и диалектами живой народной речи” (Виноградов, 1941, с. 605), завещанного Пушкиным. “Даль, Некрасов, Тургенев, Ф. Достоевский, Толстой – и с некоторым уклоном к этнографизму и натурализму – народники 60–80-х годов, – писал Виноградов, – выполнили завет Пушкина, обращенный к молодым писателям” (Там же, с. 605). А Пушкин писал: “Вслушайтесь в простонародное наречие, молодые писатели, – в нем вы можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах” (Пушкин, 1962, с. 286). Достоевский имел полное основание записать в “Дневнике писателя”: “С него только начался у нас настоящий осознанный поворот к народу. Вся теперешняя плеяда наша работала лишь по его указаниям” (Достоевский, 1927, с. 207–208).

И действительно, развитие русского литературного языка после Пушкина идет по пути интенсивного и разноаспектного взаимодействия книжной и разговорной речи прежде всего в стилях реалистической прозы и отчасти в публицистическом стиле. Соотношение и взаимодействие книжной культуры слова и разговорной речевой стихии стало одним из главных факторов развития художественно-беллетристических стилей, некоторых жанров публицистического стиля, в целом русского литературного языка середины – второй половины XIX века, фактором совершенствования стилистической системы литературного языка, усложнения стилистической стратификации и обогащения русской литературной лексики, углубления системы литературных норм (об этом см. Бельчиков, 1974).

Из сказанного ясно, что вполне закономерен и обоснован общий тезис Виноградова: “Язык Пушкина является истоком и источником всего последующего стремительного развития русского литературного языка, связанного с расцветом реалистических стилей художественной литературы” (Виноградов, 1949, с. 32).

Систематическое и целенаправленное изучение языка Пушкина в аспектах истории русского литературного языка, истории русских ху-

дожественно-беллетристических стилей и стилистического изучения пушкинской прозы Виноградов начал в 30-е годы. Пушкин стал в это время главной темой его историко-лингвистических и литературно-стилистических разысканий. Между тем к текстам пушкинской прозы, к тщательному анализу их стилистики ученый обращается уже в середине 20-х годов, как об этом можно заключить из его переписки (см. Виноградов, 1980, с. 343 – 344, Комментарии).

Приступая к исследованию языка Пушкина, Виноградов видел свою задачу прежде всего в том, чтобы “уяснить историческую связь изменений пушкинского языка с общим процессом эволюции литературной речи первой трети XIX века” /Предисловие к кн.: В.В. Виноградов, “Язык Пушкина”. М., 1935/. Важно было выяснить значение и роль тех преобразований поэтического языка, которые наблюдаются в сочинениях Пушкина, на фоне и в контексте поэтической речи конца XVIII – первой трети XIX века, экстраполировав пушкинское речевое (и литературное) новаторство на общее состояние и общие процессы развития русского литературного языка пушкинской поры, соотнеся авторскую практику Пушкина, ту реформу, которую Пушкин произвел в сфере поэтического языка, с дальнейшей историей языка русской литературы и русского литературного языка в целом. Именно такая постановка вопроса, вернее – исследовательской задачи, привела Виноградова к выводу об основополагающей роли Пушкина в разработке системы национального русского литературного языка.

“Стилистическая система Пушкина, – писал Виноградов в ответе на один из вопросов анкеты “Об образовании восточнославянских национальных литературных языков”, – послужила базой дальнейшего развития русского национального литературного языка” (Виноградов, 1978, с. 205).

В краткой статье сложно осветить весь круг вопросов, встающих в связи с рассмотрением анализа языка Пушкина в трудах Виноградова. Ограничимся лишь одним.

Пушкин – основоположник русского литературного языка. Так, кстати, называется одна из работ Виноградова, изданная в 1949 году.

Эта проблема вырастает в одну из краеугольных проблем русистики – о современном русском языке, о содержании, границах, рамках (социоллингвистических) этого понятия, о его “нижней” исторической границе и, быть может (в зависимости от теоретических подходов), “верхней” его границе.

В настоящее время именно благодаря трудам Виноградова и Г.О. Винокура общепризнано, что современный русский язык – это язык, за-

крепленный в текстах Пушкина, его современников – последователей, т. е. примерно с рубежа 20–30-х годов XIX века, и во всех литературных текстах (т. е. в текстах, созданных по нормам литературного языка носителями русского языка, литературно образованными), написанных, произнесенных (в том числе воспроизводимых – в XX в. – в аудиозаписях) вплоть до наших дней.

Достаточно сослаться на одно из авторитетных суждений по этому поводу. В 3-м издании “Современного русского языка”, под ред. В.А. Белошапковой (М., 1997) М.В. Панов пишет: “Мы будем изучать современный русский язык. А что значит современный? По отношению к русскому языку этот термин употребляется в двух значениях: 1. современный – язык от эпохи Пушкина до наших дней...” (Современный..., 1997, с. 11).

Между тем ни в конце XIX в., ни в первое десятилетие XX в. об этом речи не было. Даже в начале 40-х годов не все разделяли взгляд на Пушкина как на основоположника современного русского литературного языка. В этом убеждает книга Л.А. Булаховского “Русский литературный язык первой половины XIX века” (Т. 1, М., 1941).

В конце XIX в. к литературному языку у русских языковедов было, как отмечал Виноградов, “пренебрежительное отношение... как к искусственному, оранжерейному растению” (Виноградов, 1978, с. 152).

В начале XX в. еще не было четкого представления ни о роли Пушкина в истории русского литературного языка, ни о “нижней” исторической границе современного русского языка. Так, профессор Е.Ф. Будде в “Очерке истории современного литературного языка (XVII–XIX в.)” (1908), отводя Пушкину большое место в истории русского литературного языка, рассматривает роль великого поэта в одном ряду с влиянием на русский литературный язык Ломоносова, Карамзина, Гоголя, Тургенева. Он, в частности, писал: “Язык Карамзина резко отличается от языка Сумарокова и Ломоносова не только в строе, но и в лексике... Язык Пушкина носит на себе следы и старого языка нашей литературы, и диалектических (т. е. диалектных – Ю.Б.) наслоений, и индивидуальной творческой силы, и чутья языка; Гоголь пошел дальше Пушкина в приближении языка литературы к языку города и внес в язык новые диалектические примеси” (Будде, 1908, с. 10–11). Академик А.А. Шахматов в 1916 году в ряду великих преобразователей русского литературного языка называет, наряду с Пушкиным, Петра I, Ломоносова, Карамзина. “Во второй половине

XVIII в. русский литературный язык получает тот вид, который он сохраняет до сих пор. Карамзин и Пушкин своим высоким авторитетом завершили великую реформу, обеспечившую нашему книжному языку (т. е. литературному языку. Для Шахматова “книжный язык” – “литературный язык” синонимы – Ю.Б.) национальное значение” (Шахматов, 1941, с. 244), – заключает Шахматов.

Выяснение Виноградовым путей и механизмов поисков общенациональной нормы литературного выражения Пушкиным в его литературно-художественном творчестве имеет принципиальное значение не только для истории русского литературного языка, но и для теории литературного языка, и для учения о языковой норме.

Языковая норма, понимаемая как регулятор речевой коммуникации, обретает свойство многоплановости. Это не только система правил, определяющих точное “правильное”, мотивированное употребление конкретных языковых единиц и фактов речи в рамках литературного языка (регламентирующе-регулирующая функция нормы), не только достаточно строгое установление относительно использования языковых единиц, тех или иных лексических группировок по смысловым, оценочным, стилистическим характеристикам в определенных функциональных стилях или в текстах известной жанрово-тематической принадлежности – последнее наблюдалось в речевой практике русской словесности, вообще письменности во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. (функционально-стилевой аспект нормы – о названных аспектах нормы см. Бельчиков, 1988, с. 9–20), но и общий принцип построения литературных текстов и организации в них языкового материала, единый для всех типов и жанров текстов, поскольку они создаются в рамках литературного языка.

Сущность пушкинской реформы русского литературного языка Виноградов характеризует так: “Свежие вымыслы народные” и “нагая простота”, освобожденная от “обветшалых украшений”, точность, краткость и смысловая насыщенность как основные признаки прозы, новые, но национально оправданные, т. е. соответствующие духу общенародного языка “обороты для понятий самых обыкновенных”, образование национальных стилей “учености, политики и философии”, очищение фразеологии авторского повествования от европейского жеманства и французской утонченности, “счастливое соединение” книжного начала с народно-разговорным, с “простонародным”, освобождение стиля от “ига чужих форм”, – вот что составляет цель и сущность работы Пушкина над упорядочением и усовершенствованием русского литературного языка” (Виноградов, 1953, с. 7–8).

Этот главный принцип для Пушкина состоял в “соразмерности и сообразности” использования языковых средств в зависимости от экстралингвистических задач данного текста, вообще от условий и целей речевой коммуникации. “Истинный вкус, – утверждал Пушкин, – состоит не в безогчетном отвержении такого-то оборота, а в чувстве соразмерности и сообразности” (Пушкин, 1937, с. 52).

Что касается теории литературного языка, то такое обобщенное понимание нормы – как общего принципа организации языкового материала в литературных текстах, в высказывании – несомненно, вносит определенность в понимание самого литературного языка как коммуникативно-речевой системы, внутри которой обеспечивается достаточно свободное использование языковых единиц с единственной целью максимально адекватного выражения нужного смысла, точной передачи информации и такого же восприятия адресатом содержания текста, высказывания. Такое качество литературного языка создает благоприятные условия для его семантического роста, углубления стилевой, жанровой дифференциации, усложнения и совершенствования стилистической структуры.

Возвращаясь к тезису Виноградова “Пушкин – основоположник русского литературного языка” (см., например: Пушкин “по праву называется нового русского литературного языка” – Виноградов, 1945, с. 15), “по справедливости считается создателем современного русского литературного языка” (Виноградов, 1978, с. 53)), принципиальную важность имеет то обстоятельство, что ученый увязывал центральную, преобразовательную роль Пушкина в истории русского литературного языка и дальнейшее движение литературного языка после Пушкина с общим состоянием национального русского языка в первой трети XIX в.

По Виноградову, практически параллельно происходит пушкинская языковая реформа (которая преобразовала литературный язык, создав ту семантическую и стилистическую базу его развития, выработав общенациональную норму литературного выражения, которые действуют вплоть до наших дней, т. е. заложив основы современного русского языка) и формирование костяка национального русского языка, его системы: грамматического, фонетического и лексико-фразеологического строя.

Виноградов неоднократно отмечал, что, с одной стороны, “к началу 30-х годов Пушкин осуществляет поистине грандиозную работу над русским поэтическим языком” (Виноградов, 1949, с. 9) (в другом

месте он констатирует: “Язык Пушкина, осуществив всесторонний синтез русской национальной языковой культуры, стал высшим воплощением ...” общенациональной” ... нормы в области художественного слова” – Виноградов, 1941, с. 548); с другой стороны, что “основное ядро национального русского языка сложилось” к 30–40-м годам XIX в. (см. Виноградов, 1978, с. 56).

Сформирование костяка национального языка создавало ту национально-языковую общность, на базе которой в условиях сложившейся в языке Пушкина общенациональной нормы литературного выражения, получили развитие многообразные социально-речевые и художественно-беллетристические стили литературного языка. А после Пушкина, как писал Виноградов, “на фоне этой национально-языковой общности приобретают особую рельефность и особое значение идеологические и культурно-эстетические различия стилей и жанров” (Там же, с. 56).

Таковы в самых общих чертах основные характеристики оценки Виноградовым языка Пушкина, его роли в аспектах истории русского литературного языка.

Литература

Виноградов, 1949 – Виноградов В.В. А.С. Пушкин – основоположник русского литературного языка. М., 1949

Кораллов, 1962 – Кораллов М. Молодость истины.//“Вопросы литературы”, 1962, №10

Степанов, 1963 – Степанов А.В. [рец. на кн.: Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей].//“Русский язык в школе”, 1963, №3

Виноградов, 1990 – Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М., 1990

Виноградов, 1941 – Виноградов В.В. Пушкин и русский литературный язык XIX века. [в:] Пушкин – родоначальник новой русской литературы. М.–Л., 1941

Пушкин, 1962 – Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 6. М., 1962

Достоевский, 1927 – Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. Т. XII. М., 1927

Бельчиков, 1974 – Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX в. М., 1974

Виноградов, 1980 – Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980

Современный..., 1997 – Современный русский язык, под ред. В.А. Белошапковой. Изд. 3, испр. и доп. М., 1997

Виноградов, 1978 – Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978

Будде, 1908 – Будде Е.Ф. Очерк истории современного литературного языка (XVII–XIX в.). [в:] Энциклопедия славянской филологии. Вып. 12. Спб., 1908

Шахматов, 1941 – Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4. М., 1941

Виноградов, 1953 – Виноградов В.В. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка [в:] Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 3. М., 1953

Пушкин, 1937 – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 16 тт. Т. XI. М., 1937

Виноградов, 1945 – Виноградов В.В. Великий русский язык. М., 1945

Бельчиков, 1988 – Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. М., 1988

Некоторые основные направления развития русской литературной лексики в советское время⁴

§1. Октябрьская революция и обусловленные ею коренные преобразования всех сторон жизни России определили те значительные изменения, которые совершаются в русском литературном языке, прежде всего – в сфере лексики, на протяжении всей советской истории.

Необходимо сразу сказать о двух фундаментальных положениях в связи с изучением исторического развития русской литературной лексики в советскую эпоху.

Во-первых, развитие лексики в советское время целесообразно рассматривать а) в общем контексте эволюции основных структурных разделов русского литературного языка, в первую очередь – словообразования, фразеологии, а также синтаксиса; б) в органической связи с преобразованиями и дальнейшим развитием стилистической структуры русского литературного языка и системы его норм; в) на фоне важнейших изменений в условиях социального существования

русского литературного языка, расширения и углубления его общественных функций.

Во-вторых, принципиальное значение имеет тезис: при всей интенсивности, масштабности, новизне языковых преобразований, наблюдаемых в советское время, особенно в первые годы Советской власти, прерыва непрерывности в развитии русского языка не происходит.

Изменения в исторических условиях социального существования русского литературного языка советской эпохи обусловлены в первую очередь тем обстоятельством, что принципиально существенно расширяется его социальная база. С успехами развернувшейся по всей стране культурной революции, приобщающей к просвещению, к книге, к искусству миллионы и миллионы трудящихся, литературный язык становится достоянием все более широких масс; с развитием всеобщего среднего образования носителями литературного языка становятся миллионы простых людей.

Итак, в советское время наблюдается убыстрение темпов эволюции русского языка, усиление интенсивности процессов его развития. В качестве иллюстрации можно обратиться к неологизмам.

Преемственность развития словарного состава русского литературного языка в советскую эпоху с предшествующим временем особенно явно обнаруживается в области словообразования. Так, в связи с ростом неологизмов-существительных *nomen agentis* обращают на себя внимание интенсивно протекающие в советское время словообразовательные процессы в сфере существительных женского рода со значением лица. Отмечается активность деривационных образований женского рода от соответствующих существительных мужского рода для обозначения женщин по роду их занятий, профессий, общественному положению, а не по роду занятий, профессии супруга, как это преимущественно было в дореволюционное время. Значительно выросла группа наименований, обозначающих женщин по признаку участия их в том или ином виде деятельности, например, активистка, делегатка, комсомолка, колхозница, общественница, пионерка, рабфактовка, стахановка, ударница, юнатка и др.

Такая понятийно-семантическая направленность в образовании слов женского рода имеет принципиальное значение для понимания лексико-словообразовательных процессов, протекающих в советское время: при традиционности реализуемой словообразовательной модели – модификация ее семантического наполнения и активизация самого деривационного процесса, сопровождаемого расширением

лексико-семантической базы.

Между тем наименования женщин по роду их занятий были и до 1917 года, однако круг таких слов очень ограничен тематически и количественно, например, балерина, танцовщица, надзирательница, путешественница, прислужница, скотница, табачница, ученица, фельдшерница и т. п. (см. Бельчиков, 2001, с. 199–201).

Серьезные преобразования лексики, а также фразеологии и словообразования совершаются на фоне и в контексте не менее значительных изменений, наблюдаемых в системе стилей, в составе основных стилистических разрядов лексики. А с этой сфере русского литературного языка усиливается взаимодействие книжной и разговорной речи, характерное для всего послепушкинского периода в развитии русского литературного языка, тенденция к сближению его основных функционально-стилевых сфер. Доминирующая тенденция в этой области – сближение разговорной речи и книжных стилей при интенсивном воздействии первой на последние.

В публицистику, в литературу, в повседневный речевой обиход трудящиеся, их представители приносят речевые навыки своей среды, привычные для них слова, выражения, “крепкий и ясный язык” трудового человека (по определению писателя А.С. Серафимовича). В результате, с одной стороны, литературный язык обогащается элементами народно-разговорной (т. е. внелитературной) речи (например, отгул, учеба, перекур, “даешь!”), с другой стороны, происходят процессы взаимовлияния книжной и разговорной речи (внутри литературного языка): в разговорную речь проникают книжные слова, фразеология, грамматические формы, произносительные нормы. См., например, такие слова, как актуальный, вариант, действительно, интеллигентный, классический, лимитировать, минимальный, однозначно, типичный и под. В книжных стилях появляются слова вроде беспризорник, боевитость, электричка и под. как результат взаимодействия книжной и разговорной речи.

§2. В развитии русской литературной лексики советской эпохи можно наметить 4 основных периода.

Первый период – до конца 20 – начала 30-х годов; второй период – 30-е – самое начало 40-х годов; третий период – Великая Отечественная война 1941–1945 годов и первые послевоенные годы; четвертый период – с 50-х годов до середины 80-х.

Внутри этих периодов в свою очередь можно выделить временные отрезки частного характера (см., например, Селищев, 1939, с. 66–67; Ожегов, 1953). Предлагаемая периодизация развития словарного состава

ва русского языка совпадает с основными периодами развития такого важного, констатирующего элемента литературного языка, как норма. И это не случайно, поскольку лексика литературного языка в своем развитии тесно связана с эволюцией литературных норм.

Развитие лексики протекает на фоне процессов, совершающихся в других “разделах” русского литературного языка, особенно в словообразовании; некоторые лексические разряды в своем развитии непосредственно связаны с процессами, протекающими в частях речи (прежде всего в сфере имени и глагола), а также в синтаксисе словосочетания. Так, в сфере новообразований обращает на себя внимание, во-первых, то, что около 36% всех неологизмов, зафиксированных “Толковым словарем русского языка” под ред. Д.Н. Ушакова, составляют слова со значением лица (см. Мучник, 1971), во-вторых, то, что лицо характеризуется под углом зрения разнообразных явлений общественной жизни, в частности создаются наименования, обозначающие профессию женщин по роду их занятий.

Не лишены интереса и разнообразные процессы переосмысления, а также словосложения. В сфере словосложения взаимодействие процессов лексико-семантических, словообразовательных и синтаксических (см., например, Яцимирский, 1954; Шведова, 1964) происходит особенно интенсивно.

Характерным для советской эпохи стало образование новых слов в результате соединения или объединения литературно-книжных и разговорных (в частности, народно-разговорных) элементов. Правда, от этого процесса больше выигрывает народно-разговорная речь, чем литературная, но и литературная речь пополняется такого рода новообразованиями. См., например: беспризорник, боевитость, глубинка, теребильщик, юнгштурмовка, стилиага.

Взаимовлияние литературно-книжной и разговорной сфер русского языка в 20–60-е годы XX столетия протекает весьма интенсивно и представляет сложную картину. К сожалению, в этом направлении русский язык советской эпохи исследован в самой незначительной степени. А именно здесь арена взаимодействия экстралингвистических и собственно языковых факторов.

Очевидно, что изменение состава носителей литературного языка не могло не сказаться на возрастании разговорных элементов в литературной речи и соответственно на семантической и стилистической эволюции многих разрядов лексики (см. Шмелев, 1964, с. 7–8).

Вместе с тем приобщение миллионов масс к культуре не могло

не сказаться и на самом характере их речевого обихода, в который интенсивно проникают “книжные” слова и выражения, а также клишированные формулы и штампы “книжного” происхождения. Это касается прежде всего лексико-фразеологических элементов официально-делового стиля, а также публицистического стиля в его газетном варианте (“газетно-публицистического стиля”). См., например, употребление таких слов, как ремонт, ликвидировать, реализовать, организовать и т. п. Иначе говоря, речь идет о расширении сферы применения слов и изменении их стилистической прикреплённости. Это явление включается в общий процесс миграции слов из одной стилиевой сферы русского языка в другую.

Важность этого процесса для словарных эволюций советской эпохи отмечалась уже в 20-е годы (см. Шор, 1929).

§3. В первый период (до конца 20-х годов) наблюдаются интенсивные процессы образования новых слов и устойчивых сочетаний (общелитературного и социально-ограниченного характера) и семантических трансформаций уже существующих слов. Получают широкое распространение слова общественно-политической и публицистической лексики, обозначающие понятия коммунистической идеологии и классовой борьбы, новые формы общественной жизни, быта и культуры. Активизируется лексика, сложившаяся в рабочей и демократической публицистике конца XIX – начала XX в., особенно лексика, культивируемая в большевистской печати (большевик, большевистский, партиец, партийный, подпольщик, хвостизм и др.).

Расширяет сферу распространения научно-техническая и профессиональная терминология.

Семантические трансформации приводят к модификации сочетательных возможностей переосмысленных слов, возникают новые сочетания давно бытующих в русском языке слов, отражающие явления и понятия новой жизни (например, Красная Армия, красный командир, коммунистический субботник, коммунистический труд, народный суд, народный комиссар и др.).

Переосмысление и тесно связанные с ним изменения в сфере сочетаемости слов совершаются по-разному в разных лексических группах:

1. В сфере общественно-политической и публицистической лексики изменились контексты употребления таких слов, как труд, комиссар, народный, трудовой, трудящийся, государство, государственный. Появились новые словосочетания: Советское правительство, рабоче-крестьянская армия, Советский Союз, народный комиссар, красный

офицер, коммунистический субботник и т. п.

2. Серьезные семантические преобразования пережили слова, относящиеся к обозначению понятий буржуазно-помещичьей идеологии, религиозного культа, отдельных сторон быта и культуры бывших господствующих классов, а также к административной и сословно-классовой номенклатуре царской России. У многих из этих слов усилилась или впервые возникла отрицательная эмоционально-оценочная характеристика. См.: барин, барыня, буржуй, бюрократ, господин, лакей, мадам, чиновник и т. п.

Выходят из употребления, переходя в пассивный запас лексического состава слова губернатор, гимназия, гласный, городской, департамент, столоначальник, прошение, проситель, мезальянс, галантный, светский и подобные лексические единицы, обозначающие явления дореволюционной жизни.

3. Для первого периода характерен также процесс переосмысления слов, относящихся к области военного дела, техники, и некоторых слов, относящихся к обозначению бытовых явлений. Слова этих разрядов приспособляются для называния предметов, явлений и процессов трудового, хозяйственного, производственного быта, социальной, политической и культурной жизни: посевной, ударный, угольный фронт, посевная, выборная кампания, армия просвещенцев, штаб культпохода, командные высоты, перестроиться (на ходу), равняться (по), ударные батальоны. Этот процесс наблюдается и в последующие годы: фронтовик тыла, фронтовая вахта, фронтовой месячник, трудовой салют, фронт труда, фронт социалистического строительства, трудовые рубежи и т. д.

4. Слова из сферы производственной лексики приобретают переносное специализированное значение (загиб, перегиб, спайка, прослойка, ячейка и др.).

В 20-е годы интенсивно развиваются слова, созданные по принципу аббревиации. Например: ВЧК, КИМ, РСФСР, СССР, комбеды, колхоз, комсомол, ликбез, нарком, Наркомпрос, рабкор, рабфак, селькор, Совнарком, совхоз, чекист и др.

На аббревиатурах надо остановиться особо. С одной стороны, справедливо утверждение (см., например, Виноградов, 1945, с. 166–167), что сложно-сокращенные слова – структурный класс номинаций, характерный именно для советской эпохи. С другой стороны, формирование такого рода слов было подготовлено еще до революции, в первые десятилетия XX века. В годы I мировой войны получают

сравнительно широкое распространение такие образования, как комроты, комбат, начдив, главковерх и другие подобные наименования воинских должностей. Сокращения различных названий было обычным в среде революционного подполья, в нелегальной прессе и литературе (например: ЦК, ЦО, эсер, эсдек и др. – см. Селищев, 1968, с. 145; Ожегов, 1974, с. 33–34; *Lehikoinen*, 1990, гл. 2). Революция и начальный этап перестройки всей жизни на новых началах усилили процесс аббревиации. Сложно-сокращенные слова теперь применяются и в военном обиходе, и в гражданской жизни – в названиях учреждений, должностей, предметов, особенно в деловом стиле и газетном языке. (К середине 30-х годов процесс образования аббревиатур и их употребление стабилизировались).

В художественной и публицистической прозе 20-х – начала 30-х годов наблюдаем увлечение диалектной, профессиональной и жаргонной лексикой и фразеологией; обычно немотивированное использование их в ущерб идейно-художественной стороне литературных текстов.

Разумеется, не все из бурного потока лексических и лексико-семантических новшеств стало достоянием литературного языка. Вместе с тем процессы, которые совершаются в сфере русской лексики, приводят к серьезной перегруппировке или создают предпосылки для таковой внутри стилистических разрядов словарного состава литературного языка.

§4. Второй период (30-е – самое начало 40-х годов) можно охарактеризовать как период упорядочения общественной речевой практики. В 1935–1940 годах выходит в свет первый советский толковый словарь – “Толковый словарь русского языка”, под редакцией Д.Н. Ушакова, значимость которого исключительно велика в процессе стабилизации и утверждения норм литературной речи, прежде всего, конечно, норм словоупотребления, стилистической дифференциации словарного состава современного русского языка. Словарь Ушакова стал на многие годы нормативно-регламентирующим фактором и базой дальнейшего развития русской литературной лексики.

30-е годы отмечены целенаправленными усилиями общественности, главным образом, писателей, выступавших за чистоту и точность языка как важнейшего орудия культуры, за углубление и обогащение русской национальной речевой культуры на основе творческого освоения литературного наследия прошлого, за культуру речи, письменной и устной, в прессе, на радио, в повседневном обиходе.

В этом отношении особенно показательна дискуссия о языке, уча-

ствие в которой М. Горького и других видных писателей определило и верное направление, и плодотворные результаты большого, принципиального спора о путях развития и совершенствования речевой культуры народа.

Именно в 30-е годы создаются многие художественные и публицистические произведения, отличающиеся, помимо прочих достоинств, совершенством формы, в частности образцовым языком. В художественной литературе и публицистике стало гораздо меньше стилистически не оправданных терминов, профессионализмов, диалектизмов, вообще социально ограниченных слов, малопонятных широкому читателю.

Для 30-х годов характерно освоение литературным языком научно-технической и производственной лексики, получающей распространение в связи с интенсивными процессами индустриализации, развития профтехобразования, формирования научно-технической интеллигенции.

Слова этих разрядов, расширяя рамки своего употребления, как правило, сохраняют основное, номинативное значение, например, беспосадочный (перелет), встречный (план), гидростанция, дрейфующая станция, зимовка, зимовщик, кинопередвижка, ледокол, метрополитен, переключка, передача, промфинплан, перелет, пугина, прокат, приемник, рация, радиовещание и т. д.

Слова специальной, терминологической лексики, становясь достоянием литературного языка, как правило, сохраняют свое основное номинативное значение.⁵

Однако профессионализмы, попадая в сферу литературного языка, могут применяться и для обозначения широкого круга сходных понятий, явлений, предметов. Например: обслуживать, напарник, отгул и т. д.

Для советского периода развития русской литературной лексики характерны интенсивные процессы образования сложных слов, новых моделей словосложения.

В 30-е годы, например, наблюдается образование сложных слов со второй частью – завод (хлебозавод, лесозавод, маслозавод, стеклозавод), наряду с постепенно уходящими в пассивный запас словами типа пекарня, стекольня, лесопильня и лесопилка, блинная, кастрюльня.

Во второй период возвращаются в активную часть словаря некоторые слова тех слоев лексики, которые в начале революции перешли в пассивный запас словаря. Это сопровождается переосмысливанием таких слов, причем у этих слов, как правило, “снимается” отрицательная

характеристика. См., например, слова знатный (знатный тракторист, знатный комбайнер), потомственный (потомственный рабочий, потомственный шахтер), почетный (почетное звание), династия (рабочая династия) и под.

Что касается аббревиатур, то в этот период значительно упорядочивается как их образование, так и применение в литературном языке.

Углубление и развертывание культурной революции, крупные социальные преобразования в деревне способствуют тому, что в 30-е годы нивелировка местных говоров происходит еще более интенсивно, чем в предыдущий период. Сложные процессы наблюдаются и в сфере социальных диалектов. Здесь тоже господствует общая тенденция к нивелировке, к “снятию” социальной прикрепленности специфических слов и выражений, переходящих в состав городского просторечия. В 30-е годы, в связи с завершением процессов, приведших к принципиальному изменению социального состава населения СССР, разнообразные тенденции к “свертыванию”, нивелировке, интеграции социальных диалектов в городское просторечие проявляются наиболее интенсивно.

Все изменения в сфере территориальной и социальной диалектологии, несомненно, положительно отразились на состоянии русской литературной лексики: упорядочился ее состав и стилистическая дифференциация.

§5. В третий период (Великая Отечественная война и первые послевоенные годы) с новой силой обнаруживает себя тенденция сближения книжной и разговорной речи. Ярче всего это выявляется в публицистическом стиле, отчасти в языке художественной литературы. В третий период можно говорить о более интенсивном функционировании в литературных текстах элементов ненормированной речевой стихии просторечия, что, несомненно, способствовало обогащению синонимии и вообще выразительных средств литературного языка.

В 40-е годы активны новообразования просторечного характера, (они получают распространение в разговорно-обиходной речи), которые, как правило, представляют собою синонимические замены литературно-нормированных наименований соответствующих предметов, преимущественно военного назначения. В основном это слова, заменяющие “официальные”, терминологические составные наименования, например, бронебойка – противотанковое ружье, бронебойщик – стрелок противотанкового ружья, зажигалка – зажигательная бомба и др.

Для периода Отечественной войны вообще характерно широкое развитие новообразований народно-разговорного характера, кото-

рые, как правило, представляют собой синонимические замены литературно-нормированных наименований соответствующих понятий, предметов, явлений. Не все, конечно, из этих слов стали достоянием литературного языка. Все же литературный язык пополнился за счет слов народно-разговорного характера, возникших в годы войны. Для военных и последующих лет типичным представляется такое положение, при котором “побеждают” в литературном языке слова или словообразовательные модели разговорного характера, несмотря на наличие традиционных “книжных” слов и словообразовательных моделей. В подтверждение сказанного можно сослаться на развитие соотносительного члена видовой пары глаголов мобилизовать, арестовать, организовать – мобилизовывать, арестовывать, организовывать (в 30-е годы пользование такими формами считалось грубым нарушением литературной нормы).

В это время продолжается переосмысление слов военного назначения применительно к явлениям и понятиям “невоенной” жизни, например, правофланговые, фронтовик (тыла, посевных работ), фронтовой (фронтовое задание, фронтовая вахта) и т. п.

Для этого периода характерна новая волна семантических преобразований, разнообразных переосмыслений слов, имеющих отношение к военной действительности; применение многих слов для обозначения явлений и обстоятельств, порожденных войной (клещи, клин, кольцо, мешок, ежи и др.). (см. Лукьяненко, 1948, с. 246; Кожин, 1956, с. 69 и след.)

Из пассивного словаря возвращаются слова, обозначающие военные звания: солдат, офицер, генерал, такие слова как гвардия, гвардейский, погоны и соответствующие производные образования. Появляются новые словосочетания: советский солдат, офицер, советская гвардия, передовой офицер, гвардейская часть, гвардейский значок и т. п. Сразу же возникают оценочные словосочетания вроде гвардейцы тыла, труда, гвардейский труд, трудовая гвардия, наряду со словосочетаниями старая партийная гвардия, молодая гвардия, солдат революции, партии, существующими с 20-х годов.

В 40-е годы усилился процесс образования неологизмов – существительных женского рода со значением лица: зенитчица, партизанка, пехотинка, разведчица, регулировщица, связистка и др. (Этот процесс не утратил своей продуктивности и позже – конькобежка, космонавтка, нормировщица, целинница и т. д.).

Подробнее о русском языке в период Великой Отечественной войны см. в моей статье “Из наблюдений над русским литературным языком

эпохи Великой Отечественной войны” – наст. изд. с.

§6. Четвертый период – 50–80-е годы. Этот период не однороден по тенденциям развития лексики и в целом литературного языка.

Все же общим представляется продолжающееся взаимодействие книжной и разговорной речи, при котором разнообразные элементы разговорной речи активно внедряются в книжно-литературные тексты, стремясь “ужиться” с книжной культурой слова, устанавливая соотносительные связи и с лексикой, и с синтаксисом, и со словоформами, традиционными для книжной речи.

Оценивая эти процессы взаимодействия, важно учитывать, что в языковой жизни общества в этот период произошли существенные изменения в соотношении письменной и устной речи вследствие бурного развития радио и особенно телевидения. Письменная речь утрачивает свою “монополию”, а устная речь соответственно значительно расширяет свое влияние в общественной речевой коммуникации. Это обстоятельство тоже важно учитывать при изучении возрастающего влияния разговорной речи на книжную, поскольку устная форма радио- и теле-текстов во многом типологически однородна с разговорной речью.

Иллюстрацией влияния разговорной речи на книжную может служить предпочтительное образование прилагательных по образцу: “меж + относительное прилагательное” по сравнению с 30-ми годами, когда предпочтение отдавалось суффиксоиду между-. Если в словаре Ушакова прилагательных на меж всего несколько, то в этот период их целые серии: межвахтенный, межведомственный, межвузовский, межгосударственный, межколхозный, межконтинентальный, межобластной, межпартийный, межпарламентский, межпланетный, межрайонный, межреспубликанский и т. п.

Несомненной отличительной чертой развития литературного словаря в данный период представляется значительно возросшая роль научно-технической и производственно-профессиональной лексики. Эти лексические разряды активны в средствах массовой информации; они заметно усилили свои позиции в языке художественной литературы, через электронные и печатные СМИ получают широкое распространение в общелитературном речевом обиходе.

Активность научно-технической, вообще терминологической лексики объясняется развернувшейся в XX столетии научно-технической революцией. Достижения научно-технического прогресса глубоко внедряются не только в производство и науку, но и в культурную жизнь, в образование, в средства массовой коммуникации, в повседневный быт. Вместе с этими достижениями в наш речевой обиход, в литера-

турный язык включаются и соответствующие номинации, устойчивые обороты речи, способы описания.

Заметно возросла роль производственно-профессиональной и научно-технической речи как источника новых явлений в сфере литературного языка.

Русский литературный язык пополняется, во-первых, новыми лексическими и лексико-семантическими единицами, как вновь образованными (атомник, атомщик, атомоход, антимир, антиракета, лазер, лунник, луноход, высотник, скоростник, интервьюение, космовидение, космодром, цикличность, роботизация, компьютеризация, ядерщик и т. д.), так и получившими широкое распространение в номинативном значении (радиация, космонавт, облучение, излучение, кибернетика, робот, дисплей, электроника, початок, ракетоноситель и т. д.). В 50-е годы стала очень продуктивна модель: *сверх* + относительное прилагательное, означающее что-либо из области физики, химии, техники, производства – *сверхвысотный*, *сверхвысокочастотный*, *сверхдальний*, *сверхзвуковой*, *сверхскоростной* и т. п. (см. Бельчиков, 2001, с. 222–226) (она исподволь подготавливалась в 30-е годы).

Во-вторых, в отличие от предыдущих периодов происходят процессы переосмысления терминологической лексики на базе переносно-расширительного (нетерминологического) употребления слова. Термины, главным образом, из области современной физики, космонавтики, ракетной техники применяются для обозначения понятий и явлений общественной жизни, культуры, даже личных взаимоотношений, например, *радиация* (*радиация пропаганды войны*), *ускоритель* (*социального, художественного развития человечества*), *орбита* (*экономическая*), *траектория* (*экономического развития какого-либо региона, страны*), *стыковка* и др. или как средство оценки, например, “*Настоящие ученые всегда люди жесткой фокусировки*” (Г. Николаева), *эпицентр* (*трагедии Шекспира “Гамлет”, событий*), *планктон* (“*равнодушие – планктон мещанства*” – из газет), *перегрузка* (*работа с перегрузками*), *оптимум* (“*В достижении оптимума таятся гигантские силы цивилизации*” – из газет), *инфляция* (“*Мне хочется показать как происходит инфляция слов...*” – И. Эренбург).

В сфере той же терминологической лексики в 40–50-е годы отмечается развитие новых разновидностей сложных слов определенного типа.

В частности появляются сложные слова, у которых определяющей частью выступает основа существительного (исходное словосочетание = относительное прилагательное + существительное): *лесополоса*.

В-третьих, заметно усилились процессы семантического включе-

ния. Например, спутник из искусственный спутник Земли, качественный в значении ‘хорошего качества’; первый – в значении “чемпион по...” (в сочетании с существительным, обозначающим предмет спортивного назначения). Например, первая перчатка – “чемпион по боксу”, первая ракетка – “чемпион по теннису”; золотой, серебряный, бронзовый (из области спорта) в значении соответственно ‘обладатель золотой (серебряной, бронзовой) медали’ (бронзовый призер Олимпиады), “принесший или обеспечивший спортсмену, команде золотую, серебряную, бронзовую медаль” (золотой прыжок, золотой гол). (В описанном употреблении прилагательных золотой, серебряный бронзовый, первый очевидно влияние такой сферы разговорной стихии, как профессиональная речь).

Наиболее показательными представляются семантические трансформации прилагательных атомный и ядерный. Атомный, как известно, выступает со значением ‘относящийся к атому’, соответственно возможны словосочетания: атомный вес, атомная энергия. Вместе с тем сочетаемость этого слова гораздо шире: атомная война, атомная бомба, атомное оружие, атомная политика, атомная катастрофа, атомная опасность, атомный шантаж, атомный ледокол, атомный реактор, атомная энергетика и т. п.

В сочетании атомная бомба прилагательное атомный “включило в себя” семантику словосочетания атомная энергия, поскольку действие атомной бомбы, ее взрыв основан на использовании энергии расщепленного атома, атомной энергии. В сочетании атомная война слово атомный уже “включает в себя” семантику словосочетания “атомная бомба” или “атомное оружие”, потому что атомная война – это война с применением оружия, основанного на использовании атомной энергии. И так можно разбирать другие сочетания с атомный, выявляя следующую “ступень” семантического включения (атомная политика, атомный шантаж), соответственно выявляя фразеологически обусловленное значение слова атомный. Аналогичное происходит и с сочетаниями прилагательного ядерный (ядерное безумие, ядерная катастрофа), значение которого “относящийся к атомному ядру” тоже следствие урбанизации (ядерная война, опасность и т. п.).

В рассматриваемый период отмечается развитие новых разновидностей сложных слов определительного типа в сфере терминологической лексики. В частности, возникают слова, у которых определяющей частью выступает основа существительного типа авторалли, мотоолимпиада, лесополоса и т. п.

В результате трансформации двучленных словосочетаний в одно слово, а многочленных – в двучленные (этот процесс особенно активизировался в 50–60-е гг.) осложняется, становится несравненно более емкой семантическая структура слова, развивается система синонимических рядов и дублетных пар, русский язык обогащается новыми средствами синонимического и однозначного наименования сходных явлений действительности (ср.: нефтемаршрут ‘поездной состав, перевозящий нефть’). А вследствие этого устанавливаются новые стилистические соотношения внутри лексико-фразеологического состава современного русского языка.

В 80-е годы активизируются семантические процессы, связанные со специализацией значения отвлеченных слов. Это ярче всего выявляется в функционировании слов демократизация, застой, перестройка, ускорение (ср. возникшее ранее употребление существительного разрядка).

§7. В кратком обзоре развития русской литературной лексики в советское время, естественно, нашли отражение лишь наиболее общие или наиболее активные процессы эволюции лексического состава. Далеко не все вопросы получили полное освещение, а некоторые, такие, как, например, взаимосвязи и соотношение лексики и фразеологии в ходе их эволюции вообще не рассматривались, поскольку эта проблематика требует специального анализа.

Итак, в 20–80-е годы XX в. произошли очень важные и значительные изменения в словарном составе русского литературного языка; анализ его эволюции убеждает в том, что развитие литературной лексики, всего русского литературного языка в условиях интенсификации процессов языковой эволюции, обусловленной революционной обстановкой и дальнейшей историей Советской России, проходило в целом в общем русле исторического движения нашего языка в послепушкинский период – по пути углубления и укрепления его национально-демократических основ и на этой базе – совершенствования национальной речевой культуры, развития ее традиций, утверждения литературных норм.

Словарный состав в ходе своего развития участвует в углублении и дифференциации стилистической структуры литературного языка, в развитии речевых средств выразительности, – в обогащении лексико-фразеологической синонимии.

Литература

Бельчиков, 2001 – Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык: стилистика, лексика, история, М., 2001.

Виноградов, 1945 – Виноградов В.В. Великий русский язык, М., 1945.

Кожин, 1956 – Кожин А.Н. О словах с переносным значением в русском языке эпохи Великой Отечественной войны//Уч. зап. МОПИ, т. XXV, Труды каф. русского языка, Вып. 3, М., 1956.

Лукьяненко, 1948 – Лукьяненко А.М. Семантические и лексические процессы в русском языке эпохи Великой Отечественной войны//Уч. зап. Саратовского гос. унив-та, т. 20, Саратов, 1948.

Ожегов, 1953 – Ожегов С.И. К вопросу об изменениях словарного состава в русском языке в советскую эпоху//“Вопросы языкознания”, 1953, № 2.

Ожегов, 1974 – Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974.

Мучник, 1971 – Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке, М., 1971.

Селищев, 1939 – Селищев А.М. О языке современной деревни//Труды МИФЛИ, т. V, М., 1939.

Селищев, 1968 – Селищев А.М. Избр. труды, М., 1968.

Шведова, 1964 – Шведова Н.Ю. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе (наблюдения над языком газеты)//“Вопросы языкознания”, 1964, № 2.

Шмелев, 1964 – Шмелев Д.Н. О семантических изменениях в современном русском языке//Развитие грамматики и лексики современного русского языка, М., 1964.

Шор, 1929 – Шор Р.О. О неологизмах революционной эпохи//Русский язык в советской школе, 1929, № 1.

Яцимирский, 1954 – Яцимирский Б.М. Развитие способов словосложения в русском языке советской эпохи//Уч. зап. Ивановского гос. пединститута, т. VI, “Филологические науки”, Иваново, 1954.

Lehikoinen, 1990 – *Lehikoinen R.* Словарь революции – революция в словаре? Аббревиатуры и иноязычная лексика в русском языке первого послереволюционного десятилетия, Helsinki, 1990.

Из наблюдений над русским литературным языком эпо-

хи Великой Отечественной войны⁶

Рассматривая состояние и основные тенденции эволюции русского литературного языка в эпоху Великой Отечественной войны, целесообразно обратиться прежде всего к характеристике той социокультурной ситуации (включая общую ситуацию в речевой коммуникации и состояние литературных норм), которая сложилась в русском литературном языке к концу 30-х – самому началу 40-х годов.

Перед Великой Отечественной войной, в 30-е годы (особенно во второй половине 30-х гг.), наблюдается устойчивая стабилизация литературных норм после мощного напора внелитературной речевой стихии в первые 10–15 пореволюционных лет на литературные нормы, ее наплыва в традиционные сферы функционирования русского литературного языка. Этот период в истории русского литературного языка XX в. (30-е – самое начало 40-х гг.) можно охарактеризовать как период упорядочения общественной речевой практики (см. наст. изд., с. 23).

В 30-е гг. ряд факторов и событий культурной жизни, имевших непосредственное отношение к “языковой жизни общества” во многом обуславливал процессы стабилизации литературных норм, способствуя их утверждению, а также повышению общего уровня речевой культуры.

Имеется в виду, во-первых, появление художественных (и публицистических) произведений, составивших “золотой фонд” русской литературы советского времени. В этих произведениях, значительно поднявших общий уровень национальной речевой культуры, читатель находил высокие образцы использования русского литературного языка. Это, несомненно, серьезно способствовало стабилизации литературных норм, упорядочению словоупотребления, в том числе мотивированному (коммуникативно и эстетически) использованию в литературных текстах диалектизмов, жаргонизмов, просторечия, профессиональной лексики и фразеологии.

Во-вторых, развернувшаяся с начала 30-х гг. систематическая работа по нормализации современной (для того времени) литературной речи. Это выразилось в начавшейся в первой половине 30-х гг. а) работе над первым советским нормативным словарем – “Толковым словарем русского языка” под редакцией Д.Н. Ушакова (СУ), М., 1935–1940; б) в деятельности Орфографической комиссии по упорядочению русского правописания (с 1934 г. – вплоть до 1940 г. ежегодно издается “Орфографический словарь для начальной и средней школы”, составленный Д.Н. Ушаковым; в 1936, 39 и 40-м гг. выпускаются в свет проекты “Правил единой орфографии и пунктуации”); в) в обобщении

и упорядочении стилистических рекомендаций (главным образом в области грамматики и словоупотребления) на базе многочисленных речевых материалов повседневной газетной, редакционно-издательской практики. В 1941 г. выходит в свет по существу грамматическая стилистика современного русского языка – “Практическая стилистика языка газеты” К.И. Былинского. Работа К.И. Былинского 1941 г. – в унисон с СУ – утверждала “диктатуру” литературной нормы, особенно в наиболее авторитетной и влиятельной сфере тогдашней речевой коммуникации: в прессе и книжно-издательском деле. Нормализаторская работа велась и на радио. Там консультантом дикторской группы был Д.Н. Ушаков. При всей гуманности своей натуры он непреклонно проводил линию на точное соблюдение на радио литературных норм, особенно – орфоэпических.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны русский литературный язык располагал сложившейся системой литературных норм, получивших свою кодификацию в авторитетных филологических словарях и пособиях и нашедших реализацию, подтверждение в разноаспектной в функционально-стилевом плане речевой практике: в художественной литературе, публицистике, газетно-журнальной периодике, в юридических документах, в радиопередачах, в театральных спектаклях...

С началом войны видоизменяются социальные (социокультурные) условия существования русского литературного языка в связи с возникновением нового фактора, ставшего главным в жизни советского общества тех лет: все стороны жизни определяются тем, что идет война.

В коммуникативно-речевой проекции всеобщая ориентация на войну, на сражающуюся армию, на ход военных событий находит свое отражение в актуализации известных лексико-фразеологических пластов (в том числе из внелитературной сферы), словообразовательных процессов, а также в некоторых стилевых тенденциях тогдашней публицистики.

Во-первых, активизируются, выдвигаясь на первый план по частоте употребления и социокультурной значимости, лексика и фразеология военного дела прежде всего в их номинативной семантике, в дефинитивном употреблении. (Данной проблематике посвящена книга А.Н. Кожина – см. Кожин, 1985). Активизация военной лексики наблюдается в первую очередь в газетных материалах (в официальных военных сводках и в очерках, корреспонденциях, репортажах, публицистических статьях), вообще в периодике, в радиопередачах. По мере появления литературно-художественных произведений, песен,

кинофильмов военная лексика (и фразеология) в их речевой структуре значительно активизируется.

Во-вторых, становятся заметными, все более актуализируясь по ходу войны, разговорные элементы ненормированного характера, относящиеся, с одной стороны, к тем обозначениям оружия, действия разных видов вооружения, действий воинских подразделений, военной техники, солдата, командира в различных ситуациях фронтовой, вообще военной жизни, которые имеют “официальное” обозначение, закрепленное чаще всего в военных уставах, наставлениях, в военно-деловых документах. Среди таких речевых явлений немало слов и словосочетаний из военных арг. См., например: гитара, балалайка, удочка, утки, дергалка – из арг подрывников, еж – танкистов, удвист – летчиков (см. Кожин, 1985, с. 247). Некоторые из таких слов (немногие) получили впоследствии – в 50-е годы – признание в литературном языке как общеупотребительные или разговорные. Например, пятачок. Пятачком фронтовики называли небольшое пространство земли, отбитое у противника или защищаемое, удерживаемое нашими войсками. Первая регистрация этого слова – во 2-м издании “Словаря русского языка” С.И. Ожегова (СО), М., 1952: “...разг. шутол. Маленькая круглая площадка, а также вообще тесное, ограниченное пространство” (с. 583). Однако уже в 1959 г. в “Словаре русского языка” под ред. А.П. Евгеньевой (МАС) это слово дается как общеупотребительное, без каких-либо оценочных помет: “...3. Небольшая площадка, а также вообще ограниченное пространство земли”(т. III, с. 767). Бомбежка в СУ отмечено: “... (нов. авиац. арг.)” (т. 1, стлб. 173). В первом же издании СО (1949 г.) это слово дано как производное от бомбить с пометой “разг.”.

С другой стороны, актуализированы разговорные (в рамках литературного языка) или нейтральные слова (по преимуществу глагольная лексика), употребляемые в специализированных (созданных по принципу специализации семантики данной лексической единицы) значениях или смыслах применительно к военной, фронтовой обстановке, складывающихся в коммуникативных условиях просторечия. См., например: домолотить – домолачивать, приземлить (самолет), вгрызаться (разг.), выкуривать (прост.), и т. п. Некоторые из слов в таком употреблении получили отражение в толковых словарях 50-х годов. Например: висеть. В изд. 2 СО (1952 г.) в предложениях отражено “военное” употребление этого глагола: “... Самолеты висят над полем боя (перен.: летают, кружат)”, в МАС (т. 1, с. 225, 1957 г.) уже регистрируется значение “длительное время находиться над объектом поражения”;

перемолоть – перемалывать: СО – изд.2 регистрирует возможность переносного употребления: “...П. живую силу и технику врага (перен.: истребить)” (с. 458), сложившегося в годы войны; ср. теснить.

Отличительной чертой использования в материалах газет, в радиопередачах, в художественной литературе военных лет “официальных” и терминологических номинаций военного дела в значениях и расширительных употреблениях (в том числе и “новых” для общелитературного речевого обихода), слов из состава литературной лексики (разговорной и нейтральной), просторечия и военных аргю, является то, что эти обозначения или поясняются в тексте, или ставятся в разъясняющие контексты. Например: “Меткие стрелки отправились на охоту... Снайперы сняли 29 фашистов”, “Из-за скал показался еще один сторожевик... сторожевой корабль начал...” – из газет 1942 г. (см. Кожин, 1985, с. 207, 209), “Они столько летали ночью за это время, что все без исключения стали опытнейшими ночниками” (Симонов, Эренбург, 1979, с. 117). Ср. описательный контекст “военного” словосочетания передний край: “День на переднем крае до отказа наполнен хлопотами. Здесь и стреляют, и роют новые траншеи, и пишут письма, и вновь учатся воевать” – из газет 1943 г. (см. Кожин, 1985, с. 9).

Такие разъясняющие контексты слов, словосочетаний (особенно обиходно-разговорного характера), которые могут быть не ясны, не понятны массовому читателю, – одна из типических черт печатных и радиотекстов о войне, о фронте, опубликованных в 1941–1945 годах.

В сравнении с концом 20-х – началом 30-х гг., когда многие литераторы чрезмерно увлекались диалектизмами, немотивированно, не заботясь об их коммуникативной и эстетической уместности, включали областнические слова в речевую структуру литературно-художественных текстов, или в сравнении с 80–90-ми гг. XX в., отмеченными большим наплывом в литературные тексты жаргонной лексики и варваризмов, наблюдаемая в годы Отечественной войны забота об элементарной ясности текста, его максимальной доходчивости, об адекватном восприятии читателем текстов о войне представляется характерной чертой стилистического оформления прежде всего газетных очерков, корреспонденций, репортажей, а также публицистических статей.

Нужно сказать (и это было видно из некоторых приведенных иллюстраций), что распространение неофициальных обозначений военных реалий, с одной стороны, и стремление поставить “официальные” номинации в разъясняющие, а главное, – в оценочные контексты (что

тоже – одна из отличительных черт газетно-публицистических текстов военных лет) – с другой, приводит к расширению синонимических замен. Чаще всего возникают различного рода перифразы – описательные обороты констатирующего (см. обозначение самолета “У-2” как крылатый санитар, воздушный крылатый извозчик, крылатый связист) и преимущественно оценочного характера (летчики-истребители – это крылатые, воздушные часовые, крылатые богатыри, крылатые герои; танк – стальная, сухопутная крепость), в конечном счете – к развитию синонимии русского языка.

Особенно широко синонимические замены представлены среди параллельных “официальных” и обиходно-разговорных номинаций военных реалий. При этом, как правило, наблюдается процесс универбации (результаты этого процесса прослеживаются во всех периодах развития русской литературной лексики в XX в.). См., например: сторожевой корабль, катер – сторожевик, фугасная бомба – фугаска, зажигательная бомба – зажигалка, бронебойное ружье – бронебойка, матрос торпедного катера – торпедник, консервированное тушеное мясо – тушенка...; ср. танк “Т-34” – тридцатьчетверка, танк “Т-60” – шестидесятка, сорокапятимиллиметровое орудие – сорокопятка. Возникают универбы, так сказать, “второй степени” – на базе аналогичных только что приведенным образованиям: самоходчик – “тот, кто обслуживает самоходное артиллерийское орудие”, самоходку; сорокапятчик – “тот, кто служит в расчете 45-тимиллиметрового артиллерийского орудия”, сорокопятки. Как очевидно, подобные образования – свидетельство материального роста русской лексики. Конечно, далеко не все из них “прижились” в литературном языке. Между тем такие слова, как бронебойка, зажигалка, самоходка, тушенка, фугаска вошли в литературный язык.

Наблюдаются и другие соотношения параллельных номинаций. Чаще всего от разных основ: немцы – фрицы (стилистически сниженное), самолеты – истребители – ястребки (см. СО, изд. 1, 1949 г., с пометой “разг.”), кречеты; бомбардировщик – чайка; реактивные установки – “катюши”. Все такие обиходно-разговорные слова, как правило, экспрессивно окрашены.

В-третьих, наблюдается переосмысление части слов военного назначения применительно к явлениям и понятиям гражданской жизни. Например, получает расширительно-переносное употребление (обычно с характеризующими положительными коннотациями) такие слова, как фронтовик – фронтовик тыла, посевных работ, уборочной кампании; гвардеец – гвардеец тыла, жатвы, урожая, механизации, гвардейцы тру-

догового фронта; фронтовой как экспрессивно окрашенное (фронтовая бригада, звено – Бригады завоевывают почетное право фронтовых – из газет 1941 г. – см. 2, с. 66) и с констатирующей семантикой – “предназначенный для нужд фронта, действующей армии” (фронтовое задание, фронтовая вахта, дисциплина, декада, бригада (артистов), фронтовой месячник...); гвардия – рабочая гвардия (подробнее см. Кожин, 1985, с. 62–71); ср. употребление этих и подобных слов в послевоенное время: гвардеец пятилетки, целины; целинная гвардия.

Применение военной лексики к явлениям и понятиям гражданским, политико-идеологическим было типично для советской эпохи (об этом см., например, Солганик, 1981). Начиная с первых пореволюционных лет к военной лексике прибегают прежде всего при обсуждении политических вопросов. Идеологическая работа советской власти, большевистской партии была нацелена на милитаризацию сознания населения (это был один из основных аспектов внутренней политики). Ощущение себя военным лагерем в окружении враждебного капитализма, задачи развития мировой революции и т. д. – все это определяло актуализацию военной лексики и фразеологии при обсуждении не только политических вопросов, но вообще всех аспектов общественно-политической, культурной, воспитательной, хозяйственной деятельности. См., например, такие слова и словосочетания (и предложно-падежные сочетания), как армия просвещенцев, ударные батальоны, авангард, командные высоты, форпост социализма, штаб мировой революции, штаб культпохода, фронт ударный, угольный, посевной, перестраиваться (на ходу), равняться на..., наступление на...

Военная ситуация 40-х гг. только укрепила и расширила сложившуюся в 20–30-е гг. тенденцию переносно-метафорического употребления военной лексики применительно к “мирной” тематике.

В-четвертых, наблюдается активизация и возрождение архаизированной лексики торжественной, “высокой” экспрессии, а также слов номенклатурного характера (возвращение к некоторым дореволюционным названиям воинских чинов и званий, атрибутики: солдат, солдатский, офицер, офицерский, гвардия, гвардейский, гвардеец, гвардии капитан (майор...), погоны, кавалер ордена, возвратилось старинное слово таран (в новом осмыслении)).

Возвращение к архаизированной лексике было обусловлено общенациональным, общегосударственным значением вооруженной борьбы с агрессором – гитлеровской Германией.

Именно этими обстоятельствами была обусловлена актуализация в

публицистических текстах военного времени таких слов как богатырь, воин, дружина, иго, летопись, лихолетье, нашествие, орды, племя, полчища, пращур, предки, рать. См., например: “Нет, не устыдятся своих внуков суровые и непреклонные пращур, оборонявшие русские земли в годы лихолетий. Никогда не поредет это племя богатырей” (Л. Леонов. Твой брат Володя Куриленко, 1942).

Поэт Н. Тихонов (“Двойная радуга”) писал, что в первые месяцы войны “повеяло вдруг глухой древностью”, давно забытые слова вернулись к жизни (иго, рабство, неволя, истребление, нашествие и др.).

В-пятых, как уже ясно из предыдущего изложения, из пассивного запаса литературной лексики публицисты берут слова (и фразеологические выражения) “высокой”, торжественной экспрессии преимущественно мелиоративной оценки. Это необходимо им для более полного, яркого раскрытия самоотверженности армии, всего народа в борьбе с фашистскими захватчиками, для поддержания боевого духа солдат. Такая психологическая и идеологическая установка трансформировалась в своего рода текстообразующую доминанту стилистической организации лексико-фразеологических единиц книжной речи в композиционно-речевой структуре публицистических произведений, посвященных советскому человеку на войне, раскрытию общенационального и всемирно-исторического значения борьбы Советского Союза против германского фашизма (см. выступления в печати Л. Леонова, И. Эренбурга, А. Толстого). Вполне обоснованно писал Л.М. Леонов в журнале “Красноармеец” в 1942 г., что “трудно начертить спокойный... портрет” погибшего партизана “нашими общими словами” (Леонов, 1976, с. 70).

В один ряд с упомянутыми архаизированными словами встают слова “редких речевых ситуаций” (по терминологии М.В. Панова – см. Панов, 1963, с. 8) – с торжественной, “высокой” экспрессией: благословить, вечность, воистину, година, жаждать, жертва, жертвенность, испепелять, исполин, исполинский, молитва, родина, отечество, отечественный, подвиг, победоносный, осенить, отстоять, святой, священный, чаяния, чудодейственно... Близки к ним слова патриот, патриотизм, патриотический, вернувшие в военные годы свое первоначальное осмысление, гордость, лишения, многострадальный, мужество, ненависть, реликвия... Обращает на себя внимание активизация в газетных материалах, в публицистических текстах слов русский, русские, особенно по сравнению с употреблением этих слов в газетно-публицистических текстах 20–30-х годов. Эти слова употребляются преимущественно с оценочно-характеризующими мелиоративными

коннотациями номинативного значения в контекстах повышенной экспрессивной тональности. См., в очерках К. Симонова 1941–42 гг.: русское “ура” (Симонов, Эренбург, 1979, с. 21), испытать силу русского штыка, многострадальная русская земля (там же, с. 124), с поистине русским размахом (там же, с. 113), см. его очерк “Русское сердце” (там же, с. 83–88), пьесу “Русские люди”, в публицистике И. Эренбурга тех же лет: русские люди, русский солдат, хорошее русское лицо, русское мужество, русское сопротивление, русский отпор, русская жертвенность, гордость русского оружия, голос русской земли, русские леса... (см. там же, с. 36–99, статьи И. Эренбурга; в мае 1944 г. в газетах опубликован очерк А.Н. Толстого “Русский характер”).

Все такие слова приобретают в контексте сложившейся общественно-политической, в конечном счете – социокультурной, ситуации (началась, идет война) особый смысл. К.А. Федин в романе “Костер” передает то впечатление, какое производило на рядовых граждан в начале войны словосочетание Отечественная война: “Это слово – Отечественная война, услышанное впервые по радио, изумило пассажиров и повторялось всем поездом... Из старого оно делалось новым. Оно перебрасывало мысли от прошлого к предстоящему, заставляя думать о значении и небывалом объеме события”. Весьма симптоматично и закономерно восприятие вернувшегося в активный словарь (вместе со словами русский, русские) топонима “Россия” в условиях войны – войны отечественной, развернувшейся на просторах исторически сложившегося великого государства по имени “Россия”, войны за Россию, за настоящее и будущее русского народа, его культуры, его языка. Это восприятие сформулировал И. Эренбург в статье “О патриотизме” (июль 1942 г.): “... Слово “Россия” теперь не название государства, а нечто глубоко внутреннее, связывающее нас с нашей историей, вторую Отечественную войну с первой, молодого красноармейца с Суворовым, колыбели детей с могилами предков” (там же, с. 92).

Существенно отметить, что слова из состава религиозной лексики, активизировавшиеся в публицистике военных лет (благословить, осенить, святой, священный), фигурируют обычно в “советских” переносно-метафорических значениях, как это сложилось еще в 20–30-е годы: священная война, “... при выполнении священного долга перед Родиной” (там же, с. 57–58), “... пусть осенит вас ленинское знамя” (из приказа Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина), “Помощь товарищу в бою – святой и чистый закон каждого советского воина” (В. Кожевников. “Семь дней”). См., впрочем, у И. Эренбурга: “За Крас-

ную Армию молятся в старых церквах...Для старых бабок в деревне Гитлер – это антихрист” (там же, с. 32).

Продолжая разговор о стилистической роли, функциях лексики и фразеологии в газетных, публицистических текстах военных лет, важно обратить внимание на тот лексико-фразеологический пласт литературного словаря, в котором находит выражение пейоративная оценка.

Эта лексика сосредоточена в публицистических текстах, в которых раскрывается, разоблачается антигуманистическая природа и сущность фашизма, выясняется то зло, что несет с собой нацистская идеология и политика.

В этом отношении показательны выступления И.Г. Эренбурга. Слова и словосочетания инвективного характера у И. Эренбурга в своем большинстве относятся к книжной речи. Вот некоторые из них, более всего, как кажется, актуализированные в публицистике И. Эренбурга первых лет войны: вандалы, варварство, злодей, изверг, изувер, иуды, отбросы человечества, предатель, рабовладелец, садизм, садист, человеческий урод, устаревшее бесноватый. Примыкают к таким словам слова, квалифицируемые толковыми словарями как “общеупотребительные”, тем не менее заключающие в себе довольно выразительную пейоративную оценку: бандитский, бесноваться, грабитель, злоба, кошмарный, наглец, осквернить, олух, палач, ренегат, трусливый, убийца...Разговорные слова тоже представлены у И. Эренбурга: блудливый, выродок, вопить, натаскивать, науськивать...

Приведем лишь один небольшой фрагмент (из-за недостатка “места” в небольшой статье) из “Эренбурга”: “<...> для нас гитлеровцы-убийцы, палачи, нравственные уроды, жестокие изуверы <...> против нас шли изверги, <...> грабители, вандалы <...>” (“О ненависти”, 1942 – там же, с. 75).

Такие и подобные слова и словосочетания, создавая высокий публицистический пафос изложения, получают смысловой и эмоционально-экспрессивный заряд большой выразительности и разоблачительной силы. В публицистических произведениях, обсуждающих и осуждающих фашизм, такого рода лексика тоже выступает в качестве выжнейшего текстообразующего фактора.

Пейоративная лексика и фразеология, направленная на разоблачение общественных, политических течений, партий, была очень в ходу и в 20–30-е годы. Однако в то время она имела иное семантико-коннотативное содержание и направленность, обусловленные классовой борьбой внутри страны и против капиталистического мира, а также

внутрипартийной борьбой.

И если пейоративная лексика военных лет имеет общечеловеческую направленность, в ней раскрываются негативные стороны человеческой натуры, то в 20–30-е годы пейоративная лексика имела разоблачительно-уголовный уклон. Характеристики, оценки явлений, событий, группировок людей давали с “классовых, пролетарских” позиций: прислужники, слуги буржуазии, капитализма, буржуазные, кулацкие подголоски, кулацкие недобитки, политические двурушники, соглашатели, оппортунисты, вредители, диверсант (буржуазной идеологии, науки), тухлый, вшивый интеллигент, акулы империализма, белогвардейская сволочь...

Среди основных стилевых тенденций публицистических текстов о войне определенно выделяются две. Одна четко представлена в газетных очерках, корреспонденциях, репортажах о военных буднях (см. публицистику военных лет Вс. Вишневского, К. Симонова, В. Ставского, Н. Тихонова и др.). Другая находит свое выражение в публицистических статьях Л.М. Леонова, И.Г. Эренбурга и др. В таких текстах раскрывается морально-психологическая характеристика сражающейся страны, общесторическое, гуманистическое значение борьбы советского народа против фашистской агрессии, антигуманная природа и сущность фашизма.

Первая из стилевых тенденций характеризуется прежде всего тем, что в соответствующих текстах наиболее активны лексико-фразеологические единицы из состава “официальной”, терминологической военной лексики, а также элементы разговорной (литературной) речи, просторечия и военных арг (фронтového просторечия). Именно эти разговорные элементы (наряду с соответствующей синтаксической организацией текстов, стилистической тональностью синтаксических конструкций) – главные составляющие стилевого своеобразия газетных очерков, корреспонденций, репортажей.

Именно в газетных материалах журналистов о военных буднях полнее всего и проявляется влияние разговорной стихии на русский литературный язык периода Великой Отечественной войны.

Конструктивная роль в стиле очерков, корреспонденций, репортажей о войне, элементов разговорной речи объясняется в значительной степени и тем обстоятельством, что военные журналисты в целях наиболее полного, правдивого освещения будней войны непосредственно участвовали в боевых операциях. Как говорил К.М. Симонов, они стремились “сделать свою работу и опасной, и тяжелой” (Симонов, 1970, с. 98–99), чтобы точно и честно рассказать о войне и иметь

моральное право высказывать свое суждение о людях на войне и о самой войне. (об этом см., например, в “Записках молодого человека” К. Симонова). Автор объясняет в одном из очерков почему решил участвовать в опасной операции моряков-разведчиков Северного флота: “...Я почувствовал, что мне будет неудобно дальше расспрашивать этих людей, пока я хотя бы один раз не испробую на собственной шкуре то, что переживают они” (Симонов, 1970а, с. 557). Следует признать, что благодаря такому поведению военных журналистов на фронте в их материалах достигалось коммуникативно точное воспроизведение лексико-фразеологических единиц народно-разговорного, а также военно-терминологического характера.

В речевой структуре публицистических статей, в которых дается политическая и морально-психологическая оценка борьбы советского народа против фашизма, анализ военно-политических событий и т. п., наиболее существенную конструктивную роль играет книжная лексика. Именно при ее помощи передается содержательная сторона публицистических статей (разумеется и благодаря средствам “книжного” синтаксиса); в единицах книжной лексики заключены семантически и экспрессивно значимые коннотации; наконец – высокий пафос таких текстов, усиление их экспрессивности создается главным образом вследствие искусной организации лексико-фразеологического материала в рамках синтаксических построений. Лексико-фразеологические же единицы, и синтаксические конструкции, и сами принципы, способы их организации в такого рода текстах принадлежат традиционной книжной культуре слова.

Таковы самые общие наблюдения над некоторыми процессами литературно-языковой эволюции в период, определяемый годами Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет.

Всестороннее исследование русского литературного языка эпохи Великой Отечественной войны еще ждет своего исследователя. Этот период, хотя и охватывает незначительный временной отрезок, занимает весьма существенное место в историческом движении русского литературного языка XX в. Внимательное изучение литературно-языковой эволюции в данный период сулит продуктивные результаты в исследовании стилистической стратификации литературной лексики, в частности поможет лучше, полнее осознать значимость ненормированных речевых элементов, именно – аргоизмов, “оседающих” в литературном языке, для дальнейшего семантического, коннотационно-экспрессивного “роста” литературного словаря, расширения состава синонимических средств. Большие перспективы раскрываются в

исследовании языка художественной литературы, публицистического стиля, делового стиля (подстиль военных документов), развития их композиционно-речевой структуры; стилевых тенденций в организации публицистических и художественно-литературных текстов, в том числе “военной” прозы 50-х – начала 80-х годов.

Литература

Кожин, 1985 – Кожин А.Н. Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. М., 1985.

Симонов, Эренбург, 1979 – Симонов К., Эренбург И. В одной газете... Репортажи и статьи 1941–1945. М., 1979.

Солганик, 1981 – Солганик Г.Я. Лексика газеты. М., 1981.

Леонов, 1976 – Леонов Л. Литература и время. Публицистика. М., 1976.

Панов, 1963 – Панов М.В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики)// Развитие современного русского языка. М., 1963.

Симонов, 1970 – Симонов К. Разговор с товарищами. М., 1970.

Симонов, 1970а – Симонов К. Собр. соч. Т. 6, М., 1970

О стабилизационных процессах в русском литературном языке 90-х годов XX века⁷

Нет никакого сомнения в том, что те деструктивные процессы, которые происходят в конце XX столетия на территории бывшего СССР и постсоветской России, охватившие буквально все сферы жизни русского общества – от экономики до быта, – все эти процессы оказали и оказывают преимущественно негативное влияние на русский литературный язык и на речевую культуру.

Система литературных норм испытывает большое напряжение; набрали силу в речевом общении (устном и письменном) носителей русского литературного языка такие негативные тенденции и явления, как огрубление литературной речи, детабуизация грубопросторечной (в том числе обсценной) лексики и фразеологии, наплыв жаргонизмов, немотивированное употребление варваризмов (преимущественно англоязычного происхождения).

Вместе с тем в русском литературном языке нельзя игнорировать и позитивные тенденции, сосуществующие с перечисленными негативными (об этом см. Бельчиков, 2001, с. 203–214).

Говоря о негативных явлениях в современной речевой коммуникации, принципиально важно подчеркнуть, что в конце 90-х годов наметилась тенденция к известному упорядочению словоупотребления, к стабилизации в сфере русской литературной речи.

Эти стабилизационные явления и процессы происходят главным образом благодаря действию механизма литературных норм, прежде всего норм стилистических (по терминологии Л.В. Щербы), а также в силу известной адаптации в литературных текстах речевых инноваций к литературным нормам и встречных процессов “смягчения” литературных норм под влиянием мощных процессов демократизации русского литературного языка, наблюдаемых в конце XX столетия.

Какие же факты, речевые явления свидетельствуют или могут свидетельствовать о стабилизационных процессах в современном русском литературном языке?

1. Наблюдения над современными словарями русского языка (имеются в виду “Толковый словарь русского общего жаргона”, “Слова, с которыми мы все встречались”, составленный О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, Р.И. Розиной, под общим руководством Р.И. Розиной, М., 1999), “Толковый словарь русского языка” С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (Изд. 4, М., 1997) и 1 том “Русского семантического словаря” под общей редакцией академика Н.Ю. Шведовой (М., 1998)) убеждают в динамичности, подвижности системы литературных норм, которая чутко реагирует на традиционные для русского литературного языка послепушкинского периода процессы демократизации, особенно после того, как сформировалось так называемое литературное просторечие.

Предмет описания “Толкового словаря русского общего жаргона” – тот пласт жаргонной лексики, который в настоящее время включен в сферу активного употребления как в СМИ, так и в непринужденном речевом общении жителей (в том числе и образованных) современного большого города (см. Земская, Розина, 1994). Сам факт издания в конце 90-х годов словаря, корпус которого составляет таким образом отобранная лексика – важное, многозначительное свидетельство результативности происходящих в недрах литературного языка процессов освоения новых речевых явлений – “пришельцев” из народно-разговорного языка. Эти процессы обусловлены активным отношением литературных норм к таким речевым фактам, в данном случае – к наплыву жаргонной речи в русский литературный язык 90-х годов, активным воздействием норм на жаргонные речевые элементы.

“Присутствие” в данном Словаре слова, словоформы – уже сви-

детельство того, что эта речевая единица на пути к нормализации. Попадая в контексты и ситуации литературной речи, слова и фразеологические выражения ненормированной (в данном случае – жаргонной) речи приобретают новые осмысления, новые синтагматические связи, вступают в парадигматические отношения с единицами литературного языка, в конце концов “отрываются” от их “родной” социокультурной среды и дискурса соответствующего жаргона, сохраняя вместе с тем семантическое, коннотативное, экспрессивно-стилистическое своеобразие, необычность, “свежесть” номинаций и оценок породившей их среды на фоне традиционной литературной лексики и фразеологии (что, собственно, и привлекает в них носителей литературного языка).

Неопровержимым доказательством процесса нормализации представленных в словаре ЕЗР единиц русского общего жаргона, их включения и включенности (!) в состав литературного просторечия (“нижнего” пласта разговорной литературной речи) служит тот весьма примечательный и показательный факт, что почти четвертая часть (23,1%) словарных единиц этого Словаря зафиксирована в “Толковом словаре русского языка” С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М., 1997). Такие единицы с полным основанием можно (и следует) рассматривать как принадлежащие литературному просторечию, тем более что все они (за единичным исключением) имеют помету “прост”. Литературное просторечие – еще раз напомним – сфера литературного языка, сфера компетенции литературных норм.

2. Система способов “обработки” внелитературных элементов в русском литературном языке сложилась еще во второй половине XIX в. (см. хотя бы Чернышев, 1970; Копорский, 1957; Бельчиков, 1974 и другие исследования).

Одним из самых продуктивных путей приобщения в данном случае жаргонного речевого элемента к литературному языку представляется включение ненормированной речевой единицы в разъясняющие контексты (в рамках литературного текста).

Среди таких контекстов выделяются, с одной стороны, так называемые оценки речи: говорящий, пишущий дает прямую, непосредственную оценку вводимого им слова, подчеркивая необычность такого слова, в данном случае – принадлежность к известному социокультурному речевому обиходу (за рамками литературного языка) или уже получившему некоторую распространенность в литературной речи, однако несвойственное автору как носителю литературного языка.

Часто такие оценки речи сопровождаются разъяснениями соответствующего слова. См., например, в статье Л. Вольперт “Памяти Вадима Эразмовича Вацура” (НЛЮ, № 42 (2000) с. 54): “Во всех этих городах, естественно, шла и напряженная работа (доклады, дискуссии, многочасовые заседания), но было и то, что иначе обозначается аппетитным, но несколько легковесным словечком “тусовка”, общение, хоть и праздничное, но далеко не бесполезное (обмен мнениями, возникновение замыслов, знакомство и узнавание друг друга)”.

С другой стороны, внелитературная речевая единица обычно включается в широкий контекст или “монтируется” с текстовым фрагментом, в котором (контексте или фрагменте) так или иначе раскрывается ее смысловое содержание, экспрессивная окраска. См. разъясняющие контексты слова “прибамбасы” с неясной, аморфной семантикой и вместе с тем с весьма выразительной экспрессивной окраской неодобрительно-иронического характера: “А вот “Счастье”, еще один образчик нового альтернативного кино... На кону все основные “прибамбасы” нынешней американской цивилизации... Мужчину и женщину влечет друг к другу, а сблизиться все-таки страшно: вдруг кто в суд успеет подать? Но сексом одержимы все: и стар, и мал... И рассказывает режиссер о всей этой жизни с циничной усмешечкой. Только хохот в зале стоит все два с лишним часа...” (Мир за нед., 1999, № 7); “К сожалению ли, к счастью ли, но смена моды в нашем искусстве не за горами. Спрос на прибамбасы заканчивается по мере возрастания социальной напряженности в стране. Скоро общество снова потребует: “Хлеба!” – то бишь содержания. Очаровательная свобода забавно писать ни о чем иссякает” (Э. Радзинский. Интервью в Комс. пр., 21.1.2000). Ср. употребление глагола “кинуть” в значении “обмануть” и разъясняющий контекст этого слова в интервью с А.П. Юрковым: “(журналист): -Я правильно вас понял: Лужков лично вам... пообещал финансирование спецвыпуска “Московская власть”, но ни копейки не заплатил?

(А.Ю.): -Именно так. Мы на всю страну распространяли московский опыт, а они нас, выражаясь современными терминами, кинули. Откровенно, бессовестно кинули” (Мир за нед., 2000, № 1).

3. Освоению новой речевой единицы в литературном языке способствует установление соотносительных связей, парадигматических, словообразовательных, стилистических, в литературных текстах с нормированными единицами, прежде всего – синонимических отношений. См., например, братки – преступные (криминальные) авторитеты

(Мир за нед., 1999, № 7); “Вас могут “кинуть” (обмануть)” (АиФ, № 30, 1995). Ср. контекст, в котором устанавливается синонимическая связь между глаголом “сдать” в значении “отказаться от члена своей группы, команды из каких-либо интересов”, “предать” (из уголовного жаргона “сдать” – “предать”: “предать соучастника при допросе” – Толковый..., 1991, с. 158) и устойчивым сочетанием “принести в жертву (кого-, что-либо)”: “...пред московским градоначальником замаячила реальная угроза споткнуться в ходе выборов мэра... по причине недовольства соратников Юрия Михайловича (возьмут да сдадут).

Со своей стороны, Кремль, как представляется, принял окончательное решение принести в жертву одну из своих наиболее одиозных фигур – Бориса Абрамовича Березовского” (Комс.пр., 15.10.1999).

Аналогичное наблюдается и в сфере иноязычных заимствований. Так, существительное брокер определено включено в синонимический ряд и известные стилистические соотношения со словами посредник и маклер; ср. соотношение слова спонсор с существительными благотворитель, меценат и филантроп.

4. Соотносительные связи новой речевой единицы, а тем самым и ее “место” в системе литературных норм, в семантико-стилистической структуре литературного языка, устанавливаются и в силу словообразовательного “родства” (общего корня производящей основы) ненормированного слова с традиционными словарными единицами литературного языка, а также в силу той или иной степени “прозрачности” внутренней формы данного слова, обусловленной этим “родством” (что осознается носителями литературного языка).

Наиболее показательной иллюстрацией результативного освоения общелитературным речевым обиходом последнего десятилетия XX века (с самого начала 90-х годов) жаргонного слова служит существительное беспредел, его быстрое и бескомпромиссное вхождение в литературные тексты самого разнообразного назначения, устных (от разговорных диалогов до речей политиков и материалов электронных СМИ) и письменных (от публицистических – газетных и журнальных – текстов, экономических и политологических исследований до художественно-беллетристических произведений). Уже в 1994 г. газета “Сегодня” охарактеризовала это слово как “уголовный, но прочно укоренившийся в нашей жизни термин”. (Сег., 21.12.1994). В известном смысле беспредел стало одним из ключевых слов первого периода истории постсоветской России. “Так и уйдет наш век, произведя на свет главное свое фирменное слово “беспредел””, – писали

“Известия” 26.6.1997 г.

Существительное беспредел употребляется с обобщенным значением ‘крайняя степень беззакония, беспорядка’ (в ОШ – 1997 регистрируется это значение – с пометой “разг”). В словообразовательном плане беспредел соотносится с такими словами, как ‘предел’, ‘беспредельный’, ‘беспредельно’, ‘беспредельность’. Это существительное включается и в определенный синонимический ряд слов, обозначающих высшую степень проявления чего-либо, исключительность, чрезвычайность по силе выражения чего-либо: безграничность, беспредельность, безмерность, бесконечность и под. И соответственно – в силу семантической связи однокоренных слов – с прилагательными безграничный, безмерный, бесконечный... При ориентации же на обобщенное значение (“крайняя степень беззакония, беспорядка”) слова беспредел оно четко соотносится с таким рядом прилагательных как “беспощадный”, “жуткий”, “зверский”, “немилосердный”, “страшный”, “чудовищный” и под. Идеографически беспредел как “полное беззаконие, произвол; развал всякого общественного порядка и власти; непристойность” (именно так осмысливается это слово в современном его употреблении) соотнесен со словом и понятием “закон”, выступающим в русском языковом сознании в качестве концепта национальной культуры (ср.: “Закон есть предел” – вот ядро концепта “Закон” в русском сознании” – Степанов, 1997, с. 427).

Благодаря соотносительным связям со словами литературного языка проясняется внутренняя форма существительного беспредел, и оно сравнительно быстро “приживается” в устной и письменной литературной речи 90-х годов. Доказательством этого служат появляющиеся производные от данного слова. Например, беспредельщик: Благодаря нашим противоречивым законам и чиновникам – беспредельщикам у нас в стране устанавливается такой инвестиционный климат, что никакие иностранцы не смогли купить здесь практически ничего (“Коммерсантъ – Власть”, 17.10.2000).

5. В процессе освоения нового речевого явления литературным языком действует, как правило, одновременно ряд факторов, в том числе и разъясняющий контекст, и живые соотносительные связи ненормированной единицы с нормативными явлениями. Именно такой синергетический фактор приспособления, адаптации к литературным нормам единицы народно-разговорного языка проявляет свое действие в процессе освоения литературным языком нашего времени слова беспредел, а также существительного разборка.

Употребление слова беспредел (наряду с тем, что оно имеет живые соотносительные связи, словообразовательные и лексико-семантические, с литературной лексикой) часто сопровождается разъясняющими контекстами. См., например: “В одном случае внук убивает бабушку, в другом – мать с дочерью убивают сестру, в третьем мать с сыном убивают брата. И чем больше совершается таких убийств, тем больше я поражаюсь происходящему беспределу” (Сег., 2.4.1994); “Полный беспредел творится в коммерческих ларьках. Там запросто можно купить уже использованную спираль – и без всякой упаковки” (Моск. комс. 9.7.1993).

В процессе адаптации существительного разборка (взятого из уголовного жаргона) к литературному языку взаимодействуют два фактора. С одной стороны, живые словообразовательные связи с глаголами разбирать/разобрать, разбираться/разобраться и обусловленная этим обстоятельством его семантическая соотнесенность с некоторыми непрямыми значениями указанных глаголов (разобраться в ком–чем и (разг) с кем–чем. “Изучив, хорошо понять кого–что–нибудь”; Разбирать “критически обсуждать (чье–нибудь поведение, поступки)”) и их употребление в определенных (юридических, служебных) ситуациях. По наблюдениям Сл. ЕЗР (в статье “Разбираться”), “возможно, связь с разбором дела в суде” (Ермакова и др., 1999, с. 172), а также обсуждение, разбирательство поведения кого-либо на собрании или выяснение у начальника ошибок, просчетов в работе подчиненного или целого подразделения. Употребление глаголов в таких ситуациях отражено в “Словаре русского языка” С.И. Ожегова (М., 1988). Слово же разборка до 90-х годов выступает как производное от глаголов “разобрать” и “разобраться” в их “конкретных” значениях.

С начала 90-х годов существительное разборка в значении ‘выяснение отношений между преступными группами с применением оружия, физического насилия’ (заимствование, как уже отмечалось, из уголовного жаргона) активно используется в СМИ при информировании об организованной преступности, в многочисленных детективных романах и повестях (в связи с ростом преступности в постсоветской России). Это отчетливо показано в Сл. ЕЗР (см. статьи “Разбираться”, “Разборка” – там же, с. 172–174). Причем в этом Словаре даны иллюстрации, в которых представлен контекст, разъясняющий слова разбираться и разборка. См., например: Мафиозные разборки в Москве стали происходить в самых неожиданных местах. В четверг днем перестрелка завязалась в небольшом кафе на улице Гиляровского. Во время боя один из посетителей был убит (Моск. комс., 23.7.1994). В

таком употреблении разборка выступает в течение 90-х годов. См., например, подзаголовок материала в Комс. пр. 19.5.2000 “Как не стать жертвой разборок на дорогах”, рассказывающего о “выяснении отношений” между бандитскими группами.

Наряду с этим, возникает расширение указанного значения слова разборка. Оно начинает обозначать выяснение отношений (между какими-либо группами, противостоящими друг другу), сопровождаемое громкими скандалами общественного характера. Например: Выступления народной любимицы (имеется в виду популярная певица Земфира) закончились крутыми разборками (Комс. пр., 19.5.2000); вице-премьер Геннадий Кулик считает, что правительство не будет заниматься расследованием обвинений Явлинского. “Разборками мы заниматься не будем – правительству не до этого”, – сказал он (Известия, 5.11.1998). Как видим, употребление слова разборка и с этим значением сопровождается разъясняющим контекстом.

Функционирование слова разборка в таком осмыслении в 90-е годы настолько активно, что ОШ – 1997 регистрирует отдельное значение этого слова (с пометой “разг”): крупная ссора с дракой между враждующими группами (обычно преступными). Интересно отметить, что в конце 80-х годов толковые словари такого или похожего значения слова разборка не регистрируют – см. “Словарь русского языка” С.И. Ожегова (М., 1988).

Нужно сказать, что расширение значения слова “разборка” продолжается. Им уже обозначают любое “выяснение отношений”, сопровождаемое крупной ссорой, непониманием друг друга участниками диалога. См., например: Дистанция, которая была между нами [дочерью и матерью] от того, что она выстроила ее, когда я была маленькой и психологически нуждалась в ней, она [мать] виртуозно сокращала разборками. Эмоциональная жизнь представлялась ей как сплошное выяснение отношений... (М. Арбатова. Визит нестарой дамы, 1999).

Вопрос о судьбах элементов жаргонной речи (как и иноязычных заимствований) в современном русском литературном языке, как очевидно, требует специального обстоятельного рассмотрения. В небольшой по объему статье показаны лишь некоторые явления, отражающие процессы, которые наметились в последнее время в нашей литературной речи. Это скорее – симптомы стабилизационных процессов, вселяющие здоровый оптимизм при изучении проблем дальнейшей эволюции русского литературного языка.

Такой оптимизм укрепляется, поддерживается историческим

взглядом на судьбы русского литературного языка XIX – XX вв., согласно которому и в настоящее время наш язык развивается по генеральному пути, определенному Пушкиным (см., например, Бельчиков, 2000 – см. наст. изд. с. 76–85).

Одна из магистральных линий развития русского литературного языка “после Пушкина” характеризуется именно процессами сближения литературного языка – языка книжной культуры – с народно-разговорной речью.

Однако из всех этих оптимистических рассуждений отнюдь не следует, что можно успокоиться и не предпринимать никаких охранительных усилий, шагов в просветительской работе по лингвистическому просвещению носителей русского языка, в том числе и носителей литературного языка, в научно-исследовательской деятельности по укреплению, утверждению современных литературных норм, сознательное следование которым и обеспечивает “целесообразное функционирование” (термин Л.В. Щербы) языка.

Результатом этих усилий (просветительских и научно-исследовательских) станет (должно стать) преобладающим “старательное и осторожное” (как говорили в XVIII веке), а мы бы сказали: ответственное, осмотрительное, вдумчивое употребление русского языка. “И Русский язык (по слову М.В. Ломоносова) в полной силе, красоте и богатстве переменах и упадку неподвержен утвердится” (Ломоносов, 1898, с. 230).

Принятые сокращения

АиФ – “Аргументы и факты”.

Комс. пр. – “Комсомольская правда”.

Мир за нед. – “Мир за неделю”.

Моск. комс. – “Московский комсомолец”.

Сег. – “Сегодня”.

Сл. ЕЗР – Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. Под общим руководством Р.И. Розиной, М., 1999.

ОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 4 изд., дополненное. М., 1997.

Литература

Земская, Розина, 1994 – Земская Е.А., Розина Р.И. О словаре современного русского жаргона. Принципы составления и образцы словарных статей.//Русистика/Russistik. – 1994. – № 1–2.

Ермакова и др., 1999 – Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. М., 1999.

Чернышев, 1970 – Чернышев В.И. Русский язык в произведениях И.С. Тургенева//Чернышев В.И. Избранные труды. Т. 2, М., 1970.

Копорский, 1957 – Копорский С.А. О некоторых особенностях лексики сочинений писателей-демократов Н. Успенского, Слепцова и Решетникова//Уч. зап. МОПИ. Т. 48, М., 1957.

Бельчиков, 1974 – Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX века. М., 1974.

Он же, 2001 – Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык: стилистика, лексика, история. М., 2001.

Толковый..., 1991 – Толковый словарь уголовных жаргонов. Под общей ред. Ю.П. Дубягина и А.Г. Бронникова. М., 1991.

Степанов, 1997 – Степанов Ю.С. Концепты. Словарь русской культуры. М., 1997.

Ломоносов, 1898 – Ломоносов М.В. Сочинения. Т. 4, Ч. 1, СПб., 1898.

Бельчиков, 2000 – Бельчиков Ю.А. Основные тенденции развития стилистической структуры русского литературного языка “после Пушкина” до конца XX столетия//Василию Ивановичу Абаеву 100 лет. Сб. статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. М., 2000.

“Ненормативная лексика” в контексте некоторых тенденций в русской речевой коммуникации (конец XX–начало XXI столетия)⁸

Обсуждение проблемы использования так называемой ненормативной лексики в современных средствах массовой информации (в том числе в связи с такими правовыми понятиями, как оскорбление и клевета) обусловлено в конечном счете начавшимися с середины 80-х годов XX века процессами развала советской тоталитарной системы и последствиями этих процессов в постсоветское время.

Оскорбление и клевета, особенно оскорбления, воспринимаемые как таковые их “адресатами” в результате анализа содержания соот-

ветствующих письменных и устных текстов, высказываний, реплик, могут сопровождаться – и часто сопровождаются – словами, выражениями, речевыми оборотами инвективного характера, не допустимыми с точки зрения общественной морали, нередко заключающими в себе резко негативную оценку адресата в непристойной, циничной форме (см. в этой связи: Леонтьев и др., 1997, глава 2). Оскорблением представляются и сами такие лексико-фразеологические единицы.

Указанные слова и выражения, используемые, в том числе и в СМИ, в целях нанесения оскорбления адресату речи (а также другому лицу, становящемуся объектом оценки или характеристики со стороны говорящего/пишущего) или клеветы на него, в юридической литературе и правоохранительной практике обычно обозначаются как “ненормативная лексика”.

При обсуждении вопроса об использовании “ненормативной лексики” в СМИ в целях оскорбления адресата (или третьего лица) или без такой сознательной цели, но в ситуации трактуемой адресатом (третьим лицом) как оскорбление, необходимо уточнить некоторые понятия и термины.

Понятие “ненормативная лексика”.

Требует уточнения сам термин (и соответствующее ему понятие) “ненормативная лексика”.

Термин “ненормативная лексика” (под “лексикой” в составе этого и аналогичных терминологических словосочетаний: “бранная, разговорная, инвективная лексика” – подразумевается и лексика, и фразеология) можно понимать двояко:

А. Как обозначение того слоя, разряда слов и выражений, употребление которых в речи (устных и печатных текстах) нарушает нормы общественной морали, общепринятые в данном социуме представления о приличии/неприличии.

В этот разряд слов и выражений входят, с одной стороны, лексико-фразеологические единицы из “внелитературной” сферы русского национального языка (т. е. они находятся вне сферы действия норм литературного языка): из просторечия, жаргонов, территориальных диалектов, например: растащилровка, козел, вертухай... с другой стороны, слова и выражения, принадлежащие литературному языку, т. е. нормированные, например: негодяй, подлец, мерзавец, врун...

Уже из такой обобщенной характеристики “ненормативной лексики” ясно, что и в самой этой лексике, и в соответствующей области словоупотребления много неопределенного.

В реальной повседневной речевой коммуникации отражается дробная дифференциация социокультурных групп населения, микрогрупп, разного рода социальных коллективов. Соответственно наблюдается пестрая мозаика речевых манер, способов выражения мысли и эмоций, тактик и стратегий диалогов, построения письменных и устных текстов, употребления слов... Во всем этом океане речи находят в свою очередь отражение специфические, “свои” узусальные нормы речевого поведения каждой из социокультурных групп населения и микрогрупп, в том числе и способы выражения приличия/неприличия. Очевидно при этом, что эти нормы зачастую резко расходятся (в силу расхождения с общепринятыми в данном обществе нормами речевого поведения) с нормами литературного языка. Так, известны своей “оригинальностью” речевого поведения и общения армейская среда, лагерно-тюремный быт, микрогруппы исключительно мужских (или исключительно женских) производственных коллективов и т. п.

В связи с отмеченным социокультурным разнообразием повседневной речевой коммуникации важно для обсуждаемой проблемы обратить внимание вообще на характер процессов, происходящих в современной русской речевой коммуникации примерно с конца 80-х годов.

В последние годы наблюдается значительное количественное и качественное усложнение таких сфер русской речевой коммуникации, как устная публичная речь, язык радио, телевизионная речь, публицистический, или газетно-публицистический стиль, а также прежде всего и больше всего в разговорной (литературной) речи (из литературы вопроса см.: Лаптева, 1990; Костомаров, 1994; Ферм, 1994; Русский язык..., 1996; Культура русской речи..., 1996).

Дело в том, что в последние годы в силу известных исторических, экономических, политических, культурно-идеологических причин, порожденных распадом тоталитарной системы на территории бывшего СССР, в сферу книжной речи (письменных и устных текстов) литературного языка – речи нормированной, неспонтанной (т. е. заранее подготавливаемой, следовательно, характеризующейся строгим отбором речевых средств), совершающейся в условиях официальности, – мощным потоком вливается (не будет преувеличением сказать – врывается) значительная масса речевых явлений (в том числе, конечно, и инвективного характера), традиционно – до примерно 80-х гг. – функционировавших на периферии русской речевой коммуникации, исключительно в ее устной сфере: в рамках просторечия, в узких рамках жаргонов, особенно криминальных, в территориальных диалектах, а также в рамках так называемого молодежного жаргона. Обычно лишь

отдельные элементы этих речевых сфер эпизодически попадали в тексты детективов, художественных произведений о молодежи, звучали с экранов опять-таки детективных и молодежных фильмов, немного чаще фигурировали в прессе, в основном молодежной, и сравнительно широко – в “самодеятельной”, в том числе – авторской песне. Эти процессы берут начало в 60-х гг., они связаны в значительной мере с публикацией в годы хрущевской “оттепели” художественных произведений и мемуарной литературы, посвященной сталинским лагерям.

Широкая экспансия ненормированной русской речевой стихии, наблюдаемая в годы перестройки и в постсоветское время (да еще в условиях фактической монополизации в языковой жизни общества радио- и телевизионной речи) представляет серьезную опасность для стабильности литературного языка, расшатывает сложившуюся систему литературных норм.

Данная здесь (по необходимости – суммарная) оценка ситуации, сложившейся в современном русском языке, в современной речевой коммуникации, убеждает в том, что проблема квалификации употребления слов и выражений инвективного характера как оскорбления, с одной стороны, значительно осложняется:

а) в связи с усиливающейся размытостью границ и состава самой инвективной лексики в силу:

– расширения социокультурного состава соответствующих речевых единиц, т. е. проникновения в сферу общелитературного речевого общения жаргонных, просторечных слов и выражений,

– неустойчивости, известной неопределенности негативно-оценочных коннотаций таких единиц в новых для них контекстах употребления в иной (тоже новой для них) функциональной сфере употребления (из устной неформальной сферы жаргона, городского просторечия, обиходно-бытовой речи они “переходят” в официальную сферу массовой коммуникации или публичного выступления),

– быстрого, резкого расширения ситуаций общения, изменения характера речевых ситуаций (от межличностной к массовой коммуникации, к прямому переносу бытовых ситуаций в сферу официальности);

б) в связи с процессами детабуизации грубой (инвективной), в том числе обценной, лексики, наблюдаемой в последние годы в печати, в электронных СМИ, на страницах художественной литературы. Эти процессы были обусловлены в конечном счете эпохой гласности, снятием запрета на публикацию эротической продукции (изобразительной и вербальной), на обсуждение интимной жизни популярных людей

(в основном – певцов, актеров, “новых русских” и т. п.), а также в немалой степени обострением политической борьбы в постсоветской России. Это последнее тоже привело к резкой активизации инвективной лексики, откровенной брани, особенно в прессе, оппозиционных властям (об этом см., например, Какорина, 1996⁹).

С другой стороны, в связи с только что изложенным серьезно возрастает научно-практическая и шире – общественная актуальность целого комплекса вопросов относительно места, роли “ненормативной лексики” в современной русской речевой коммуникации – от проблем нормализации современной литературной речи и организации лингвистического просвещения носителей литературного языка до вопросов юридической практики в связи с судебными исками по защите чести, достоинства и деловой репутации.

Основной пласт “ненормативной лексики” составляют слова и выражения из внелитературной, ненормированной сферы национального языка – главным образом из просторечия и жаргонов. Этот лексико-фразеологический пласт включает в себя лексику и речевые обороты, наделенные негативной оценкой, резко сниженной экспрессивной окраской (вплоть до неприличной натуралистичности и цинизма).

В состав “ненормативной лексики” входят и известные разряды слов, выражений, относящиеся к литературному языку, т. е. вполне соответствующие литературным нормам.

1-й разряд составляют констатирующие номинации лица, обозначающие негативную с точки зрения интересов общества (или его большинства) деятельность, занятия, поступки, поведение кого-либо, например: бандит, вор, мошенник, педераст, проститутка, фашист, шпион... Такие слова к тому же нередко имеют четкую юридическую квалификацию – ср., например, о словах-понятиях вор, мошенник, взяточник, сутенер, шулер в Комментариях к УК РСФСР (см. Уголовный..., 1924, с. 56–57; ср. Уложение..., 1909, с. 876).

Подобные слова в силу логико-понятийной природы их денотатов (обозначаемого ими) в самом номинативном значении имеют уже негативную оценку, оставаясь все же в рамках констатирующей семантики. См., например, толкование некоторых таких слов в современных словарях: “Бандит... – участник банды, вооруженный грабитель...; Бандитизм... – вид преступной деятельности, заключающийся в создании вооруженных банд, с участием в них и в организуемых ими нападениях с целью грабежа, насилия, убийств, разрушений чего-либо и т. п.” (Словарь русского языка, под ред. А.П. Евгеньевой.

Изд. 2, испр. и доп., т. 1, М., 1981, с. 60); Жулик... – вор, занимающийся мелкими кражами (там же, с. 488); Проститутка... – женщина, занимающаяся проституцией; публичная женщина (там же, т. III, с. 525); Педераст... – тот, кто занимается педерастией (там же, с. 37); Шпион... – тот, кто занимается шпионажем: ср. Шпионаж... – преступная деятельность, состоящая в секретном собирании сведений или материалов, составляющих государственную тайну, с целью передачи их другому государству (там же, т. IV, с. 728); Фашист... – сторонник и последователь фашизма, член фашистской партии (С.И. Ожегов. Словарь русского языка/Изд. 23-е, испр. М., 1991, с. 847).

При переносном, метафорическом употреблении такого рода слова приобретают пейоративную, – инвективированную экспрессию и явно негативную оценку, общественно осознаваемую и реально воспринимаемую адресатом как оскорбительная или клеветническая характеристика. Негативная оценка таких слов при их метафорическом употреблении значительно усиливается. См., например: “Проститутка... – разг. О продажном, крайне беспринципном человеке” (Словарь..., под ред. А.П. Евгеньевой, т. III, с. 525); ср.: “Политическая проститутка... – презр. Беспринципный и продажный политик” (Ожегов, с. 620).

2-й разряд образуют слова и словосочетания, в самом значении которых при констатирующем характере семантики содержится негативная оценка деятельности, занятий, поведения кого-либо, сопровождаемая экспрессивной окраской публицистического характера. Например: антисемит, двурушник, изменник, предатель, расист, ренегат, русофоб, юдофоб... Ср. враг народа. В отличие от слов 1-го разряда эти слова переносного употребления не имеют (видимо, в силу присутствующей уже в номинативном употреблении яркой экспрессивной окраски). Такого рода слова, обращенные к какому-либо лицу без достаточного основания и доказательства, воспринимаются и расцениваются им как клевета.

3-й разряд – это нейтральные номинации лица по его профессии, роду занятий, например: бюрократ, коновал, мясник, чиновник..., которые в переносных значениях приобретают резко негативную оценку, обычно сопровождаемую экспрессией неодобрения, презрения и т. п. Например: “Бюрократ... – 2. Неодобр. Должностное лицо, выполняющее свои обязанности формально, в ущерб делу; формалист, буквоед...” (Словарь... под ред. А.П. Евгеньевой, т. I, с. 131); “Коновал... – 2. Разг., пренебр. О плохом, невежественном враче” (там же, т. II, с. 91); “Мясник... – Перен., предикат. О жестоком, склонном

убивать человеке. Помню, выслушав историю царствования Ивана Грозного..., Изот сказал: – Скушный царь! – Мясник, – добавил Кукушкин” (Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. IV. Л., 1984, с. 247); “Палач... – 2. Перен. Жестокий мучитель, угнетатель” (Ожегов, с. 882); “Чинуша... – Презр. То же, что чиновник (2-е знач.)” (там же).

4-й разряд – зоосемантические метафоры, содержащие, как правило, негативные оценки адресата речи и грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения и т. п.; многие из таких метафор относятся к бранной (инвективной) лексике, оставаясь, впрочем, в рамках литературного языка. См., например: быдло, кобель, кобыла, рыло, свинья, сука, сукин сын, свиное рыло...

5-й разряд – слова, обозначающие действия или качества, свойства кого-либо или чего-либо. Среди таких слов есть слова констатирующей семантики (украсть, убить, мучить, издеваться, насиловать, хулиганить, врать, воровать...) и слова оценочные, с яркой экспрессивной окраской (хапнуть, двурушничать, лицемерить, лихоимствовать, прикарманить, вранье...). Очень часто подобная характеристика действия переносится на самого деятеля. Одно дело, если мы говорим, что N. лицемерит (с этим можно не соглашаться, но здесь нет оснований для правового вмешательства), но совсем другое, если утверждается, что N. – лицемер (лицемерие – его постоянный признак).

6-й разряд образуют слова и словосочетания, в самом значении которых заключена негативная (бранная) оценка кого-либо как личности, с достаточно сильной негативной же экспрессией. Например: дурак, гадина, гнусный... (все они – в рамках литературного языка).

7-й разряд составляют в основном словосочетания, представляющиеся эвфемизмами по отношению к словам-номинациям 1-го разряда. Тем не менее в эмоционально напряженной речи эти эвфемизмы не в меньшей степени оценочны, чем соответствующие “прямые” обозначения адресата. Например: женщина легкого поведения, падшее создание, стоять на панели, агент иностранных спецслужб. Важно подчеркнуть, что словосочетания этого разряда относятся преимущественно к книжной речи.

8-й разряд составляют окказиональные образования (часто построенные на “игре слов”, каламбурах), создаваемые с целью оскорбить, унижить адресата, подчеркнуть со стороны говорящего (пишущего) активное неприятие адресата, его деятельности, поступков, презрение к нему и т. п. Имеются в виду окказионализмы, создаваемые, с

одной стороны, на базе словообразования, как, например: коммунаки (аффективный суффикс -як-), иудоккоммунисты (словосложение), дембанда (сложносокращенное слово), с другой – на основе каламбурного, омонимичного совпадения окказионализма с уже существующим словом, обычно дающим негативную оценку или возбуждающим оскорбительный намек. Например: дерьмократы (дерьмократы), серреализм (ср. серый), прихватизация; сюда же относятся аббревиатуры, омонимичные негативно оценочным словам, например: ВОР – “временный оккупационный режим” (“День”, 1993, № 9), БиДе – Белый Дом (МК, 12.10.1993). Наконец, возможна сознательная деформация имени собственного с оскорбительным (по крайней мере в глазах говорящего или пишущего) намеком: Ельцин – Эльцин.

Б. В лингвистике ненормативной называют лексику (и любые другие языковые единицы), которая не относится к литературному языку. Это слова из просторечия, жаргонов, диалектов. На них не распространяется действие норм литературного языка (литературной речи).

Таким образом, термин “ненормативная лексика” не корректен, так как при его употреблении в юридических контекстах (а также в общелитературном речевом обиходе – в значении “бранная, “неприличная” или вульгарная лексика”) наблюдается контаминация терминов (и понятий) из разных областей человеческой деятельности: юридического, имеюще весьма обобщенный характер, и лингвистического, который предполагает недопустимость (или допустимость при строго определенных условиях контекста, речевой ситуации) использования конкретной лексико-фразеологической единицы в рамках литературного языка.

Обсценная (“запретная”) лексика

Необходимо внести определенность в восприятие и общественную оценку понятия и употребления термина “обсценная” и “табуированная”¹⁰ лексика. Речь идет о мате.

Оставляя в стороне вопрос о лингвистическом и культурно-историческом генезисе русского мата, подчеркнем, что жесткий запрет на публичное употребление обсценной лексики и фразеологии, идеографически и семантически связанное с запретной темой секса, сексуальной сферы, вообще “телесного низа”, сложился у восточных славян – предков русских, украинцев, белорусов – еще в языческую эпоху как прочная традиция народной культуры и строго поддержи-

вался и поддерживается православной церковью на протяжении 1000 лет. Так что данное табу имеет в русском народе давнюю традицию, освященную веками.

И в настоящее время – при всех отрицательных идеологических и технологических влияниях цивилизации XX века на национальные культуры, на шкалу национальных духовных ценностей – для русского народа, носителя и хранителя таких ценностей, для его менталитета и языка как продукта и выразителя многовековой культуры – данный пласт лексики и фразеологии (и связанные с ним ассоциации) остается табуистически маркированным явлением АНТИкультуры (как и построенные на этой лексике и фразеологии или с ее участием обцененные тексты: анекдоты, юморески, прибаутки и т. д.), абсолютно неприемлемым в современной русской общественной речевой коммуникации (при всей “привлекательности” как запретного плода для известных социально-культурных групп и социально-речевых ситуаций). Академик О.Н. Трубачев писал в связи с изъятием из текста русского перевода “Этимологического словаря русского языка” М. Фасмера, изданного в Германии, непристойных слов: “Наша общепринятая культура речи и языка принципиально исключает неприличную лексику. Понять это можно. Слова, ничего не говорящие немецкому читателю, лишённые каких-либо социальных и чисто человеческих акцентов, толкуемые и этимологизируемые по-немецки, немедленно приобретали маркированный характер, как только попадали в русский литературный контекст, да еще двадцатитысячным тиражом. Наш читатель к этому не привык... Негативный заряд этих слов и понятий был слишком велик. Вопрос этот отнюдь не только научный, он связан с традициями культуры и этики”. (Трубачев, 1978).

В последние годы серьезно возросла активность обцененной лексики и фразеологии в разговорной речи, в условиях межличностной коммуникации при неформальном общении (речевая манера, присущая так называемому нонстандарту, сопровождаемая актуализацией мата, охватывает все более широкие, так сказать, нетрадиционные группы населения, включая женщин и школьниц-подростков (наиболее консервативных до недавнего времени по отношению к обцененной, вообще бранной лексике и фразеологии)), в речи книжной: преимущественно в СМИ (в печати и в электронных СМИ, в кинофильмах), а также в устной публичной речи политического характера, в художественной (и околосудожественной) литературе постмодернистского направления, в частности в “новой волне” драматургии и соответственно в театральных спектаклях (имеются в виду пьесы М. Волохова “Игра

в жмурки”, “Непорочное зачатие”, Е. Сабурова “Двойное дежурство в любовном угаре” и др.). (из литературы вопроса, см.: Кёстер-Тома, 1993, Граудина, 1996). Как с горечью говорил В.П. Астафьев по поводу широчайшего распространения в современной речи мата, “мерзость теперь окружает нас почти повсеместно. С ней встречаешься уже не только в подворотнях, но порой и на высоких собраниях” (Астафьев, 1991). Исследователь современной бранной лексики В.М. Мокиенко констатировал: “Депутаты Верховного Совета, президенты, мэры городов и главы администраций не гнушаются “простым русским словом” или, в крайнем случае, его эвфемизмами. Мат, как и жаргон, стал своего рода модой, – как, впрочем, и популизм в его самом обнаженном варианте”. (Мокиенко, 1994).

Что касается СМИ, то обсценная и вообще грубая, бранная лексика и фразеология (включая грубопросторечную лексику сферы сексуальных отношений) получают сравнительно широкое распространение прежде всего в оппозиционной прессе (см., например, аббревиатуру Е. Б. Н. (День, 1993, № 9) – из инициалов Ельцина; см. также окказионализмы – дерьмократы, демпроститутка) ср. из призыва А. Макашова к захвату мэрии 4 октября 1993 г.: “... чтобы никогда на русской земле не было ни мэров, ни пэров, ни херов” (Русский язык..., 1996, с. 70), в публицистических комментариях радио и ТВ, в интервью с известными людьми (актерами, писателями...) ¹¹. Здесь популярно слово “блядь” и его производные в получивших широкое распространение в периодике эротических изданиях. Активизации обсценной лексики в значительной мере способствуют переиздания эротической и откровенно непристойной поэзии, появление на книжном рынке сборников анекдотов советского времени, “заветных” сказок А.Н. Афанасьева, сказок Н.Е. Ончукова и других аналогичных фольклорных материалов, словарей русского мата и т. д. ¹² Как точно констатировала немецкая исследовательница З. Кёстер–Тома, “непечатное слово стало печатным” (Кёстер–Тома, 1993, с.26).

Происходит, таким образом, детабуизация обсценной лексики. Это отмечается в специальной научной литературе.

Между тем известное снижение “порога допустимости” в литературных текстах, письменных и устных, отнюдь не снимает характера непристойности, крайней грубости и цинизма, заключенного в семантике, экспрессии, остронегативной оценке, присутствующей в обсценных словах и выражениях, и соответствующих ассоциаций, вызываемых ими, т. е. всего того, что считается неприемлемым в общении между людьми в цивилизованной среде.

В научной литературе obscenный текст нередко рассматривается в контексте игры. С этой точки зрения “формирование в процессе игры иного, альтернативного реальному, мира ослабляет культурный запрет на использование бранных выражений. Иллокутивная сила брани в игровом контексте оказывается направленной на другой мир, на воображаемый, а не на реальных участников общения. Игра, по крайней мере отчасти, позволяет снять с говорящего возможные обвинения в нарушении табу на obscenные выражения” (Василий Буй, 1995, с. 298). Все же и игровое употребление obscenных слов и выражений, как справедливо считает Б.А. Успенский, не снижает степени их табуированности (см. Успенский, 1994).

Поэтому в какой бы функции (о функциях мата см. далее) ни выступала obscенная лексика и фразеология (за исключением художественного произведения – и то при условии основательной эстетической и коммуникативной мотивированности присутствия данных лексико-фразеологических единиц в художественном тексте), такого рода слова и выражения, равно как публичное использование их, являются нарушением норм общественной морали в особо грубой и циничной форме. Будучи обращены к конкретному адресату, они суть оскорбление словом – также в особо грубой и циничной форме – с целью унизить, опорочить, обесчестить адресата (или отсутствующее третье лицо). Ведь факт распространенности и усиления преступности не делает сами преступления менее опасными и более приемлемыми для общества!

Известную детабуизацию obscенной лексики следует рассматривать в контексте общей тенденции к огрублению речи, которая характерна для современной русской речевой коммуникации (см. Крысин, с. 484).

В таком контексте процесс детабуизации мата четко соотносится с идущими одновременно, параллельно и во многом перекрещивающимися с первыми процессами своеобразного “раскрепощения” жаргонной и арготической лексики и фразеологии или широкой экспансии этого фрагмента устной ненормированной речевой стихии не только в область разговорно-литературной речи, но и в сферу строго кодифицированной книжной речи, в такие влиятельные сейчас ее разновидности, как СМИ, устная публичная речь политического характера, язык газеты (публицистический стиль). “Свобода слова, – подчеркивает Л.К. Граудина, – вывела жаргон из подполья... В 80–90-е годы происходит новое нашествие арготических слов, так называемая третья волна по сравнению с первой (10–20-е гг.) и второй (40–50-е гг.)” (Граудина,

1996, с. 173–174; ср. Грачев, 1992).

Лексика и фразеология из (главным образом) лагерно-тюремного и уголовного жаргона, а также из молодежного жаргона широко используется в текстах самой различной тематики, принадлежащих СМИ, устной политической речи; она фигурирует в официальной и неофициальной речи людей разного социального статуса, возраста и культурного уровня. См., например, сообщение газеты “Коммерсантъ” со ссылкой на народного депутата РСФСР В. Лысенко о том, что М.С. Горбачев назвал приехавших к нему в Форос членов ГКЧП мудаками. Президент не опроверг это, но уточнил, что “послал их туда, куда обычно посылают русские люди” (Ширяев, 1996, с. 38).

Вместе с присущими жаргонной речи, особенно лагерно-тюремному и уголовному жаргону, грубостью выражения, интеллектуальным и эмоциональным примитивизмом многочисленные жаргонизмы приносят в современные литературные тексты негативное восприятие жизни, грубые, натуралистические номинации и оценки, примитивное, приземленное выражение мысли и эмоций.

Эта лексика и фразеология, сама речевая манера носителей жаргона, переносимые в литературные тексты, и мат, связанные с ним грубо натуралистические, непристойные номинации, оценки и ассоциации, дополняя друг друга, представляются материализацией одной из негативных тенденций современной речевой коммуникации – огрубления литературной речи, письменной и особенно устной, как неофициальной, так и официальной.

Наблюдая экспансию в русскую литературную речь рубежа XX–XXI веков жаргонных слов и выражений, осознавая при этом все нежелательные для речевой культуры последствия активного их функционирования не только в разговорной речи, но и во влиятельных в современной речевой коммуникации функционально-стилевых сферах книжной речи (особенно в устной книжной речи), следует признать: от взаимодействия с жаргонной речью (как впрочем, и с другими сферами народно-разговорной речи) – и этому учит история русского литературного языка послепушкинского периода – в конечном счете литературный язык остается в выигрыше (если уместно так сказать).

Одна из ведущих тенденций исторического движения русского литературного языка XIX–XX веков состоит в его продуктивном (и благотворном) взаимодействии с народно-разговорной речью, в том числе и с жаргонами. Примерно с середины XIX века (см. Виноградов,

1982, гл. X, §§ 11, 13; Бельчиков, 1974, ср. Елистратов, 1995) элементы жаргонной речи (наряду с другими единицами народно-разговорной речи) постоянно включаются в литературные тексты. При этом “приживаются”, остаются в стилистической структуре литературного языка жаргонизмы, отмеченные необычностью (в восприятии носителей литературного языка), яркостью своего семантического и, главное, экспрессивно-оценочного “облика”, новизной коннотаций, неожиданностью, остротой оценок людей, событий, обозначаемых такими словами и выражениями. (Ср. симптоматичное замечание о жаргонизмах Р.И. Розиной: “Авторы данного словаря считают, что коннотации являются наиболее важной частью жаргонного слова – тем, ради чего оно создается и употребляется”, Розина, 1999, с. IV–V).

Рассматривая вопрос о жаргонизмах, целесообразно различать два момента. С одной стороны, факт включения слова, речевого оборота, взятого непосредственно из жаргона без каких бы то ни было пояснений. Это всегда вызывает известное напряжение при восприятии соответствующего текста. Как писал Л.В. Щерба, “объясняется это очень просто: все эти слова жаргонного происхождения, т. е. возникли, понятны и зачастую удобны в определенной и ограниченной среде... но как только они выносятся на арену общего языка, они становятся там инородными телами, мешающими целесообразному функционированию этого языка” в силу того, что они не всем носителям литературного языка понятны, известны (Щерба, 2000, с. 114).

С другой стороны, некоторые из таких слов и словосочетаний в силу механизма литературных норм по отбору речевых средств остаются в литературном языке. Как продолжает Л.В. Щерба, “некоторые из этих жаргонных слов, по разным причинам оказавшихся общепонятными, могут с успехом войти и действительно вошли в общий словарь” (Там же).

Процесс сближения литературного языка с народно-разговорной речью, в частности заимствование единиц жаргонной речи, – одна из ведущих тенденций развития русского литературного языка после Пушкина (см. наст. изд., с. 80–82). Влияние жаргонной речи на русский литературный язык рубежа XX–XXI веков и, главное, начавшиеся процессы стабилизации литературной речи, в том числе – процесс приспособления части жаргонизмов к лексико-семантическому строю, к стилистической структуре русского литературного языка наших дней есть все основания рассматривать в контексте названной тенденции литературно-языковой эволюции. В подтверждение реальности процесса освоения части жаргонизмов русским литературным языком

можно назвать слова беспредел, разборка, мент, опер, мочить, кинуть, прибабасы и целый ряд других лексем. Многозначительным в этой связи представляется такой факт: как уже отмечалось, более 23 процентов слов, регистрируемых толковым словарем общего жаргона “Слова, с которыми мы все встречались” (авторы О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина, М., 1999), в “Толковом словаре русского языка” С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М., 1997) сопровождаются пометой “прост”, что, как очевидно, означает, что эти лексические единицы стали достоянием современного литературного языка.

Продуктивность процессов сближения литературного языка с народно-разговорной речью, в частности – заимствование единиц жаргонной речи, состоит в том, что в результате такого взаимодействия происходит обновление речевых средств выражения, развитие и совершенствование сферы парадигматических (особенно синонимии) и синтагматических связей в лексико-фразеологическом составе литературного языка, материальный и семантический рост литературного словаря, дальнейшее углубление и дифференциация стилистической структуры литературного языка – в конечном итоге – упрочение национально-демократических основ литературного языка.

Инвективная лексика и фразеология

Для целей изучения проблемы идентификации слов и выражений, которые являются оскорбительными и/или клеветническими, а также могут быть квалифицированы как таковые в ситуациях, существующих или создаваемых в современных СМИ и в устной публичной речи, целесообразно ввести понятие и термин инвективная лексика и фразеология.

Прилагательное “инвективный” – производное от существительного “инвектива”. Это существительное, означающее “резкое выступление против кого-, чего-либо; оскорбительная речь; брань, выпад”, восходит к лат. *invectiva oratio* (бранная речь).

Инвективную лексику и фразеологию составляют слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценке оскорбление личности адресата, интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речью (или объекта оскорбления), обычно сопровождаемую намерением сделать это в как можно более уничижительной, резкой, грубой или циничной форме (реже прибегают к “приличной” форме – эвфемизмам, вполне литературным). См., например, из писем читателей: “Поганые твари,

погань, сволочи, вместе с Ельциным вас, как гнид, надо уничтожать!” (газета “Не дай Бог!”, 1996, №9).

Основная часть инвективной лексики и фразеологии составляется из лексики бранной, относящейся отчасти к диалектам, но главным образом к просторечию, а также к жаргонам¹³, и характеризуются грубовульгарной экспрессивной окраской, резконегативной оценкой, чаще всего циничного характера. Например, говнюк, гад ползучий, дерьмо, засранец, лахудра (из сибирских диалектов), падла, обалдуй, сука сраная...

Значительное место в инвективной лексике занимает та часть бранной лексики, которая относится к табуированным словам и словосочетаниям – к мату. Например: блядь (-ища), долбоеб, ебать, жопа (перен.), курва, манда, мандавошка, мудак, мудила, мудаеб, пизда (перен.), пиздюк и другие производные, хуй (перен.), и производные, хуй на палочке, хуй (хер) моржовый...

Среди инвективной лексики есть и известная часть бранных слов и словосочетаний, входящих в литературный язык. Они относятся к разговорной речи, к разным ее пластам. В основном это слова и словосочетания, принадлежащие периферийным пластам разговорной речи, граничащим с просторечием и жаргонами. Такого рода слова и словосочетания в своем большинстве образуют грубопросторечную лексику – “нижний” разряд разговорной лексики литературного языка. Например: девка (о распутной женщине, проститутке), гад (перен.), гаденыш (перен.), гадина, гнида (перен.), подлый, подлюга, сволочь, скотина (перен.), стерва, сукин сын, старый хрен, хамово отродье... Все эти и подобные слова в современных толковых словарях характеризуются как “бранные”, “грубые” или “презрительные”.

Есть и слова, относящиеся к разговорно-обиходной лексике (в рамках литературного языка), например, грабеж (перен.), мерзавец (-ка), поганый, сброд, свинья (перен.), хам, хамье, ханжа...

Единичные лексемы, в которых резко негативная оценка человека, его поведения содержится в их значении, имеют констатирующий характер, например: гадкий, негодяй, подлец, подличать, подлость, хамелеон (перен.)...

Бранная лексика, в том числе и инвективная, весьма подвижна в своем составе. Из нее могут выходить некоторые лексемы и целые тематические разряды слов, как, например: барин, барыня, господин, буржуй, буржуйский, белый, белогвардеец, кулак, тухлый интеллигент, актуальные в 20-е годы, а потом во многом или почти утратившие нега-

тивную оценку и негативную экспрессию. В то же время в последние годы приобрели явную негативную оценку прилагательное номенклатурный, производные от слова номенклатура: партноменклатура, номенклатурщик, прилагательное красный в составе субстантива красно-коричневые. Инвективную лексику отличает диффузность ее значений, которая обусловлена экспрессивным характером слов и выражений, составляющих этот лексико-фразеологический разряд. Данное обстоятельство (см., например, Мокиенко, 1994, с. 59) создает известные трудности в определении границы между собственно бранными, в том числе и инвективными, единицами и эмоционально-экспрессивными образованиями, передающими определенное состояние говорящего без особых агрессивных интенций, например: баба (о робком, слабохарактерном мужчине), балбес, оболтус (о подростке, парне), босяк, балаболка, гоп-компания, горлопан, горлодер, хлыщ, шушера, шаромыжник...

В состав инвективной лексики входят также слова и словосочетания, находящиеся за рамками бранной лексики. Имеются в виду лексико-фразеологические единицы 1,2,3,5-го разрядов в разделе о “ненормативной лексике” (см. выше).

Входя значительной своей частью в состав бранной лексики, инвективная лексика состоит в основной своей массе из лексики “внелитературной” сферы современного русского языка: слов и фразеологии просторечия, жаргонов, диалектов.

Из сферы литературного языка в ее состав включаются лексико-фразеологические единицы преимущественно разговорной речи, главным образом лексики “грубопросторечной” (или “грубофамильярной”), “вульгарной”, а также из сферы обиходно-бытовой речи.

Фигурируют также некоторые разряды книжной лексики, связанные с квалификационными и оценочными (негативными) характеристиками кого-, чего-либо, в том числе и адресата речи (см. 1,2 и 3-й разряды лексики из раздела о “ненормативной лексике”).

В состав инвективной лексики (и фразеологии) входит и известная часть обцененной лексики (и фразеологии), целиком находящейся за рамками литературного языка.

Обцененная лексика наделена в русской речевой коммуникации рядом функций, из которых в рамках инвективной лексики реализуется, по крайней мере, одна: “с целью оскорбить, унижить, опорочить адресата речи”. В этом случае коммуникация является всегда адресной. Эта функция мата реализуется и в публичной сфере речевой комму-

никации, в том числе может фигурировать в СМИ.

Другие функции обсценной лексики в речевой коммуникации связаны с безадресностью этой коммуникации, они не предполагают обращенность на конкретное лицо. Назовем, наряду с только что указанной, следующие:

а) эта лексика выступает в качестве идентифицирующего кода-сигнала окружающим, что говорящий, органично употребляющий матерную лексику и фразеологию, – “свой”;

б) использование мата в устной бытовой речи, в частности в речевом обиходе интеллигенции, как реакция на систему тоталитарных запретов в сфере духовной культуры, общественно-политической деятельности (см. об этом, например, Хелберг-Хирн, 1994);

в) тесно связанное с предыдущим использование мата как своеобразная бравада вседозволенностью;

г) как достаточно сильное экспрессивное (стилистическое) средство оживить, сделать более эмоциональной речь говорящего (реже – пишущего), с одной стороны, в дружеской беседе, в застолье, а с другой, – в обстановке публичности: на митинге, во время встречи с аудиторией – часто в популистских целях;

д) как средство разрядки психологического напряжения индивида;

е) как реализация эстетической функции “неканонизированной речи” в художественном тексте;

ж) как “языковая игра”, свойственная фамильярной речи, преимущественно – городской речи (к пунктам е и ж см., например, Винокур, 1990, с. 397–401);

з) известная часть обсценной лексики выступает в разговорной речи в функции междометных слов и слов – заполнителей речевых пауз;

и) в функции междометных ситуативных обозначений предмета разговора или адресата речи (при этом такие слова имеют аморфную семантику, обусловленную данной ситуацией общения) – то же в неофициальном общении или в производственной ситуации в речи человека низкой культуры.

Важно также отметить, что в безадресных функциях употребление обсценной лексики, как правило, не предполагает интенции оскорбления со стороны говорящего.

Таким образом, обсценная лексика и фразеология включаются в инвективную лексику лишь в той части, которая имеет в виду оскор-

бить, унижить, опорочить адресата речи или объект характеристики со стороны говорящего или пишущего.

Инвективная лексика относится к сфере речи эмоционально повышенной, аффективной. Для такой речи исключительное значение имеют:

а) ситуация конкретного речевого акта, в котором фигурируют экспрессивно окрашенные слова и выражения или лексико-фразеологические единицы, наделяемые экспрессией под влиянием контекста эмоционально напряженной речи или аналогичной речевой ситуации;

б) намерения (интенции) говорящего/пишущего. Эти интенции могут быть самые разнообразными: от дружески-грубофамильярных (“амикошонских”) до явно оскорбительных. Ср., например: Экаяряваает, собака! – с восхищением об игре музыканта. Но: Я тебя, собаку, пристукну, если еще раз появишься здесь! – с презрением, гневом, угрозой;

в) социальное положение и социальные роли адресата (или объекта инвективы) и говорящего/пишущего.

Эмоциональность аффективной речи ориентирована на иную ситуацию, чем речь инвективная, поэтому анализ как самих высказываний, так и их лексико-фразеологического состава возможен только в тесной связи с контекстом, ситуацией речевого акта, в том числе в СМИ.

Экспрессивно окрашенная лексика и фразеология, наделенная эмоционально-оценочной коннотацией (дополнительным значением), – именно такие лексико-фразеологические единицы представлены в аффективной, эмоционально напряженной речи (сюда относятся и публицистические тексты, письменные и устные) – характеризуется известной аморфностью значения, подвижностью его оценочных рамок, вплоть до противоположных оценок. Такое значение в сильной степени окрашено субъективным отношением говорящего (пишущего) к адресату речи, к его поведению, действиям и т. п.

Субъективность значения лексико-фразеологических единиц в контексте аффективной речи (или аффективной, эмоционально напряженной ситуации, а также в условиях яркого публицистического контекста) обуславливается тем обстоятельством, что “предмет речи оценивается эмоционально-отрицательно не потому, что он бесполезен, неморален, антиэстетичен, а исключительно потому, что субъект речи в данный момент с их помощью выражает свое отрицательное эмоциональное состояние или, очень часто, соответствующее отношение к собеседнику” (Матвеева, 1986, с. 22).

Только контекст или анализ ситуации речи может помочь в расшифровке экспрессивной окраски, вернее – эмоционально-оценочного содержания высказывания, экспрессивно окрашенных, оценочных слов этого высказывания (или текста в целом), поскольку такие слова могут заключать в своей семантике лишь обобщенное значение отрицательной оценки. Например: Ну, что ты за оболтус у меня такой, не можешь сдать экзамен, – говорит мать сыну-школьнику; или: Мой оболтус учиться не хочет; Иду в магазин купить своему оболтусу куртку – мать о сыне-подростке. Ср.: Что он – оболтус, что ли? Ситуацию не сечет, говорит такую чушь! – о политике, участвующем в телепередаче.

В заключение необходимо специально подчеркнуть, что в русском литературном языке на рубеже XX–XXI вв., наряду с негативными явлениями и процессами, наблюдаются и продуктивные процессы (которым в научной литературе уделяется непростительно мало внимания¹⁴).

Общий обзор эволюционных процессов и тенденций, особенно начавшиеся стабилизационные процессы литературной речи (наглядно они проявляются в отношении жаргонных слов – об этом см. наст. изд., с. 44–51) убеждает, что при всех “перехлестах” в речевой практике наших современников, при наблюдающемся расшатывании литературных норм общий уровень национальной речевой культуры традиционно определяет книжная культура слова, которая, несомненно, воспринимает (пропуская через “сито” литературных норм) новации, идущие из народно-разговорной речевой стихии.

Что касается использования “ненормативной лексики” в целях оскорбления, то важно иметь в виду следующее:

1. Есть слова и выражения, а) оскорбляющие адресата речи или третье лицо – лексика инвективная; б) заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске неприличные, одиозные, с точки зрения общепринятой морали обозначение, характеристику тех или иных понятий, предметов, явлений, действий, признаков, качеств – неинвективная (грубопросторечная, вульгарная, обценная) лексика.

2. Внутри инвективной лексики есть единицы, относящиеся к а) литературному языку (пусть и представляющиеся резконегативными, оскорбляющими оценками); б) к “внелитературной” сфере русского языка, где функционируют наиболее грубые, натуралистические, циничные лексико-фразеологические единицы (в первую очередь обценная лексика и грубые жаргонизмы) как негативная, бранная оценка человека, его поведения, действий и т. п.

3. К инвективной лексике, относящейся к сфере литературного языка, тоже целесообразен дифференцированный подход:

а. Книжная лексика констатирующей семантики, а также эвфемизмы таких слов, “щадающие” адресата.

б. Переносное, метафорическое использование книжных слов констатирующей семантики. Здесь важно строго учитывать:

- макро- и микроконтекст или речевую ситуацию употребления конкретного слова в переносном смысле;

- внутреннее содержание самого переносного, метафорического употребления;

- достаточную степень обоснования конкретной оценки адресата (иначе встает вопрос о клевете).

в. Среди инвективных лексико-фразеологических средств в рамках литературного языка есть и такие, которые – при всей приемлемости их с точки зрения речевой нормы – являются неприемлемыми с точки зрения общественной морали, прямым резким оскорблением или ругательством. Например: сволочь, стерва, подлец, мерзавец, подонок и т. п.

Однако, имея дело с такими словами и выражениями, необходимо строго учитывать и ситуацию, контекст, в которых данное слово употребляется, и оценку, и эмоциональную окраску, которую вкладывает в данном случае в такое слово говорящий/пишущий (и его интенцию), и возможные иные варианты восприятия, осмысления конкретного высказывания, реплики и реакции со стороны адресата и др.

Литература

Леонтьев и др., 1997 – Леонтьев А.А., Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Сорокин Ю.А. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации, М., 1997.

Лаптева, 1990 – Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана (Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте). Сегед, 1990.

Костомаров, 1994 – Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.

Ферм, 1994 – Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). Uppsala, 1994.

Русский язык..., 1996 – Русский язык конца XX столетия (1985–

1986). М., 1996.

Культура русской речи..., 1996 – Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

Какорина, 1996 – Какорина Е.В. Стилистический облик оппозиционной прозы//Русский язык в конце XX столетия (1985–1995). М., 1996.

Уголовный..., 1924 – Уголовный кодекс РСФСР. Практический комментарий. Преступления против личности. М., 1924.

Уложение..., 1909 – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Изд. 14-е. СПб., 1909.

Трубачев, 1978 – Трубачев О.Н. Из работы над русским Фасмером. К вопросам теории и практики перевода//Вопросы языкознания, 1978, № 6.

Кёстер-Тома, 1993 – Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт//Русистика/Russistik, 1993, № 2.

Граудина, 1996 – Граудина Л.К. О современной концепции отечественной риторики и культуры речи//Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

Мокиенко, 1994 – Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурная и нецензурная// Русистика/Russistik, 1994, № 1–2.

Астафьев, 1991 – Астафьев В. Черемуховые холода//“Правда”, 7.12.1991.

Василий Буй, 1995 – Василий Буй. Русская заветная идиоматика. Веселый словарь крылатых выражений. М., 1995.

Успенский, 1994 – Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии//Избранные труды. Т. II. М., 1994.

Грачев, 1992 – Грачев М.А. Третья волна//Русская речь, 1992, № 4.

Виноградов, 1982 – Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. Изд. 3, М., 1982.

Бельчиков, 1974 – Бельчиков Ю.А. Вопросы соотношения разговорной и книжной лексики в русском литературном языке второй половины XIX столетия, автореферат докт. дисс. М., 1974.

Елистратов, 1995 – Елистратов В.С. Арго и культура. М., 1995.

Ширяев, 1996 – Ширяев Е.Н. Культура речи как особая теоретическая дисциплина//Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

Розина, 1999 – Розина Р.И. От редактора//Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.

Щерба, 2000 – Щерба Л.В. Культура языка//Вестник Моск. университета. Серия 19 “Лингвистика и межкультурная коммуникация”, 2000, № 2.

Кромбах, 1994 – Кромбах Т. Жаргон гомосексуалистов//Русистика/Russistik, 1994, № 1–2.

Винокур, 1991 – Винокур Г.О. Маяковский – новатор языка// Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М., 1991.

Матвеева, 1986 – Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск, 1986.

Хиллберг-Хирн – *Helberg-Hirn T.* Запретные темы и устное слово//*Studia slavica finlandensia*. Т. XI. Helsinki, 1994.

Основные тенденции развития стилистической структуры русского литературного языка “после Пушкина” до конца XX столетия¹⁵

Продолжая традиции отечественного языкознания, В.И. Абаев последовательно придерживается в своих трудах принципа историзма. При этом он не устает подчеркивать, что данный принцип методологически важен и в разысканиях, посвященных современному состоянию конкретного языка, а главное – тем процессам, которые совершаются в конкретном современном языке. Сущность историзма “в общественных науках вообще и в языкознании в частности”, пишет ученый, состоит в том, что “всякое данное состояние рассматривается как закономерный результат предшествующего развития” (Абаев, 1995, с. 165).

Обращение к процессам, происходящим в русском литературном языке конца XX столетия в аспектах их историко-лингвистической и культурно-исторической интерпретации подтверждает продуктивность принципа историзма, верность методологии исследования современной языковой эволюции в ее конкретных национальных проявлениях, определяемой историческим подходом к объекту научного изучения.

Вопрос об основных, ведущих тенденциях развития стилистической структуры (см. примечание) русского литературного языка “после Пушкина” до конца XX столетия представляется очень актуальным в связи с теми интенсивными процессами литературно-языковой эволюции, которые совершаются в русской речевой коммуникации 80-90-х годов.

Те изменения, которые наблюдаются последние 15–18 лет в русском литературном языке, приводят к расшатыванию сложившихся литературных норм, к явному понижению уровня речевой культуры носителей литературного языка.

Среди таких изменений называют в первую очередь наплыв в литературный язык жаргонной лексики и фразеологии, детабуизацию в устном речевом обиходе и в письменной речи носителей русского литературного языка грубопросторечной лексики и фразеологии, в том числе инвективной, а также обценной, широкое, как правило, немотивированное употребление новых иноязычных заимствований (в основном варваризмов английского происхождения) преимущественно в текстах СМИ, рекламы, в сфере финансово-коммерческой, спорта, развлечений.

Все эти явления приводят, наряду с расшатыванием литературных

норм, к сдвигам в сложившихся соотношениях стилистически окрашенных и функционально обусловленных слов и речевых оборотов, синтаксических конструкций, а также некоторых форм и фонетических явлений в общелитературном употреблении и в основных жанрово-речевых разновидностях литературного языка, в стилистической стратификации книжных номинаций в области массовой культуры, в финансово-юридической, коммерческой сфере, к интенсивному расширению рамок употребления внутри литературного языка ненормированных речевых элементов.

Обзор основных тенденций стилистического развития русского литературного языка в послепушкинский период его истории убеждает, что и в конце XX века наша литературно-языковая эволюция – при всех “минусах” каждодневной речевой коммуникации – совершается в направлении и на принципах, заложенных пушкинской языковой реформой.

Как “вся русская литература вышла из рукава гоголевской “Шинели” (по приписываемому Достоевскому крылатому изречению), так с полным основанием, исторически обоснованно можно говорить: русский литературный язык “от Пушкина до наших дней”, современный русский язык “вышел” из сочинений Пушкина в том смысле, что язык Пушкина, пушкинская языковая реформа служит источником и фундаментом исторического движения русского литературного языка XIX–XX столетий, развития его стилистической структуры. Ведь неслучайно В. В. Виноградов неоднократно утверждал: “Стилистическая система Пушкина послужила базой дальнейшего развития русского национального литературного языка” (Виноградов, 1978, с. 205).

Успешность развития русского литературного языка по пути, завещанному Пушкиным, во многом определялась тем важнейшим обстоятельством, что пушкинская языковая реформа, пушкинские принципы построения литературных текстов, организации в них речевых средств были глубоко восприняты, поддержаны, получили дальнейшее развитие в литературной деятельности мастеров слова – современников Пушкина и последующих поколений писателей, причислявших себя к “пушкинской школе”, и ведущих русских публицистов.

Конечно, решающее значение в успехе преобразовательной деятельности Пушкина имел объективный характер предпринятой им языковой реформы, которая, как известно, соответствовала историческим тенденциям развития русского национального литературного языка в начале XIX века и – главное – стала по существу их выражением,

полноценным воплощением.

Рассматривая в ретроспективе историю русского литературного языка XIX–XX вв., ведущие тенденции развития его стилистической структуры, убеждаешься в том, что Пушкин – основоположник современного русского литературного языка не только потому, что благодаря его авторской практике, стилистическим принципам построения художественной речи была выработана общенациональная норма литературного выражения, действующая до сих пор, но и потому, что в языке Пушкина потенциально были заложены основные тенденции дальнейшего стилистического развития русского литературного языка.

Как известно, Пушкин в своем творчестве привел в гармоническое соотношение, придав этому соотношению статус нормы литературного выражения, основные речевые стихии, фигурировавшие в литературных текстах конца XVIII – начала XIX века:

традиционный “книжно-славянский язык”, живую народную речь, “простонародный язык”, просторечие, устную народную словесность и заимствования из западно-европейских языков, главным образом – из французского.

В своей авторской практике и в декларируемой стилистической позиции (“...впоследствии они [простонародное наречие и книжный язык] сблизились, такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей” – подч. Пушкиным – Пушкин, 1978 с. 111; ср. оценку Карамзина: “Карамзин... возвратил ему [русскому языку] свободу, обратив его к живым источникам народного языка” – Там же, с. 386; путь к возрождению словесности, к построению русского литературного языка Пушкин видит в обращении к “свежим вымыслам народным и странному просторечию” – Там же, с. 190, к “кипящим источникам” народной поэзии – см Там же, с. 177) Пушкин ориентируется, с одной стороны, на глубокие национально-демократические начала русского литературного языка, а с другой, – на сформулированный им принцип “соразмерности и сообразности” в использовании языка, в конечном счете – на принцип коммуникативной целесообразности в выборе и организации речевых средств для “свободного”, “живого”, оптимально адекватного и содержательно-насыщенного выражения мысли, передачи эмоционального состояния адресата при сохранении “благородной простоты поэтического слога”. В результате русский язык, по известному определению В. Г. Белинского, “обрел новую силу, прелесть, гибкость, главное – стал развязан, естественен, стал вполне русским языком” (Белинский, 1900, с. 176).

В результате пушкинской реформы русский литературный язык, наряду с мощным импульсом стилистического развития, получил широкие возможности и перспективы семантического роста. Взаимодействие этих важнейших факторов литературно-языковой эволюции раскрыты в “пушкинском” цикле работ В. В. Виноградова, в трудах Г. О. Винокура, Н. С. Поспелова, В. Д. Левина, И. С. Ильинской и других исследователей языка Пушкина и истории русского литературного языка XIX века.

Говоря о тенденциях стилистического развития русского литературного языка “после Пушкина”, важно различать:

а) те из них, которые непосредственно импульсированы пушкинской языковой реформой, нашедшей свое воплощение в авторской практике Пушкина, а также его литературных последователей и единомышленников;

б) процессы в стилистической структуре как дальнейшее распространение (и утверждение) пушкинских принципов построения русского литературного языка и организации речевых средств в литературных текстах на другие сферы литературного языка, а также как осуществление тех задач, которые были выдвинуты Пушкиным в развитие предпринятой им языковой реформы. Это те процессы, формирование и развитие которых, а также основное или общее направление стилистических изменений, новаций внутри этих процессов были обусловлены пушкинской языковой реформой. Имеются в виду в первую очередь, с одной стороны, взаимодействие разговорной и книжной речи в рамках русского литературного языка и – шире – взаимодействие его функционально-стилистических вариантов: взаимодействие разговорной и книжной речи и взаимодействие стилей приобрели значимость важнейших доминант стилистического развития русского литературного языка XIX–XX вв., с другой стороны, – формирование “метафизического языка”.

Что касается первой группы тенденций и процессов стилистического развития русского литературного языка “после Пушкина”, то можно говорить как о важнейшем последствии, вернее – следствии пушкинской языковой реформы – о формировании, консолидации примерно к середине XIX в. разговорной речи в качестве функционально-стилевой сферы русского литературного языка, основы которой вырабатывались в авторской практике Пушкина, а также Грибоедова и Крылова.

Другое важное следствие пушкинской языковой реформы, имеющее громадное влияние прежде всего на стилистическую стратификацию

русской литературной лексики – коренное изменение статуса славянизмов в стилистической структуре русского литературного языка в послепушкинский период его истории.

Известно, что суть пушкинской языковой реформы заключалась именно в выработке принципов использования книжно-славянской лексики. Как было показано В. В. Виноградовым, книжно-славянская стихия для Пушкина была “живым структурным элементом русского литературного языка” (Виноградов, 1935, с. 43).

Результатом такого подхода к славянизмам стало преобразование их функционального назначения. В “послепушкинский период” вопрос о славянизмах как генетической категории был снят. Они выступают уже как стилистическая категория. Это становится их главной функцией. За значительной частью славянизмов закрепляется четкая стилистическая окраска. Меньшая же часть славянизмов используется в качестве словарного фрагмента разрабатываемого с конца 30-х годов XIX в. “метафизического языка”. Тем самым и эта часть славянизмов обретает в стилистической структуре русского литературного языка определенную функционально-стилевую значимость. Названные процессы особенно интенсивно протекают в 30–60-е гг. XIX в. (подробно история славянизмов, процессы их преобразований в XIX в. исследованы в книге Е. С. Копорской “Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени”, М., 1988). Дальнейшая эволюция славянизмов в русском литературном языке определяется тем, что они выступают как органическая часть этого языка, как фрагмент его стилистической структуры (впрочем, славянизмы, имея в XVIII веке статус генетической категории словарного состава литературного языка, могли выступать и в стилистической функции – об этом см., например, Замкова, 1973).

Третья (по порядку, отнюдь – не по значению тенденция стилистического развития русского литературного языка “после Пушкина” – влияние на русский литературный язык народно-разговорной речи: просторечия, территориальных диалектов, жаргонной речи, “языка города” (как некоторой речевой аггломерации, главным образом просторечных и жаргонных элементов, актуальных для речевого обихода демократических слоев городского населения).

Эта тенденция, ставшая в течение XIX–XX вв. одной из основных закономерностей стилистического развития русского литературного языка, представляется непосредственным развитием одного из главных принципов пушкинской языковой реформы, одной из центральных проблем авторской практики Пушкина, его подхода к построению

русского литературного языка, к обновлению языка художественной литературы. Имеется в виду отношение Пушкина к “простонародному языку”, или “простонародному наречию” (об этом см. Виноградов, 1935; Томашевский, 1956, Бельчиков, 2000). Названную проблему целесообразно рассматривать в тесной связи с работой Пушкина над языком собственных сочинений, с его размышлениями о прозе, которая “требуется мыслей и мыслей”, с пушкинским принципом “сообразности и соразмерности” в использовании речевых средств.

Как писал В. В. Виноградов, Пушкин “открыл шлюзы литературы для простонародного языка, просторечия и устной словесности” (Виноградов, 1935, с. 13). При этом Пушкин производит тщательный отбор речевого материала, принимая только то, что, по его мнению, могло рассчитывать на общенациональную значимость. П. А. Вяземский в “Старой записной книжке” заметил: “Немного парадоксируя, Пушкин говаривал, что русскому языку следует учиться у просвирен и лобзников; но ...в речи своей он мало простонародничал” (Вяземский, 1929, с. 279). В другом месте П. А. Вяземский подчеркивает исключительную способность Пушкина верно угадывать в простонародном языке то, что отвечает духу языка: “Нужно иметь тонкое и разборчивое ухо Пушкина, чтоб удержать то, что следует, и пропустить то, что не годится. Но не каждый одарен, как он, подобным слухом” (Вяземский, 1879, с.361).

“После Пушкина” продолжается освоение художественно-беллетристическими стилями все новых и новых элементов народно-разговорной речи, вырабатываются способы и приемы включения в литературно-художественные тексты в сочинениях писателей “натуральной школы”, Гоголя, раннего Тургенева, позже – писателей-народников, Лескова, Гл. Успенского..., а также и в публицистические тексты, в журнальную прозу единиц диалектной, жаргонной речи, просторечия, прежде всего – лексики и фразеологии.

В конце концов в середине XIX в. складывается “литературное просторечие” как особая категория стилистической структуры русского литературного языка. Ю. С. Сорокин определяет “литературное просторечие” как совокупность, разряд слов, “представляющих единую стилистическую группу, ... особых по своим стилистическим признакам (сниженность, резкость, фамильярность и т. п.). но допустимых в различных тесных сочетаниях со словами собственно книжного литературного языка” (Сорокин, 1965, с. 24).

Литературное просторечие – это своего рода сито, через которое

внелитературные речевые элементы проникают в литературный язык, оставаясь в нем, так или иначе приспособляясь к его стилистической структуре, либо отсеиваясь. Вместе с тем литературное просторечие – канал, через который осуществляется связь литературного языка с его национально-демократическими основами, через который и благодаря которому литературный язык постоянно обновляется, обогащаясь синонимическими ресурсами, новыми смыслами, новыми экспрессивно-стилистическими красками, оценками и т. п.

Как очевидно, литературное просторечие – важнейшая составляющая стилистической структуры русского литературного языка, актуальная, активно развивающаяся и в наше время, – исторически связано с пушкинской языковой реформой, обязано своим формированием и функционированием в русском литературном языке Пушкину, тем принципам отбора прежде всего лексико-фразеологического материала из народной речевой стихии, которые он реализовал в своей авторской практике и многие из которых сформулировал в своей критической и эпистолярной прозе.

Русская речевая коммуникация последних 15–18 лет, как уже отмечалось, характеризуется наплывом в литературную речь ненормированных элементов, больше всего из жаргонной речи, городского просторечия, наряду с другими явлениями, воспринимаемыми, как и жаргонизмы, общественностью, в том числе и филологической, как негативные.

Между тем в истории русского литературного языка примерно с середины XIX в. (см., например: Виноградов, 1938, гл. 10, Елистратов, 1995, с. 20; Волклонский, 1911 и др.) постоянно отмечаются, наряду с другими элементами народно-разговорной речи, и жаргонизмы, которые вступают (как и диалектизмы, элементы просторечия) во взаимодействие в рамках литературных текстов с нормированными речевыми средствами.

Жаргонизмы привлекают носителей литературного языка необычностью, яркостью своего семантического, а главное – экспрессивно-оценочного “облика”, новизной коннотаций, остротой восприятия и соответственно оценок людей, событий, окружающей действительности, о чем идет речь в литературных текстах, письменных и устных.

Исторический взгляд на процессы, совершающиеся в русском литературном языке 80–90-х годов XX века, с одной стороны, наблюдения последних 2–3-х лет главным образом над языком СМИ и разговорной речью носителей литературного языка (а они свидетельствуют об определенно наметившихся процессах стабилизации русской речевой

коммуникации в рамках литературного языка) убеждают в том, что современная литературно-языковая эволюция идет в основном русле движения русского литературного языка послепушкинского периода, который характеризуется в большой степени процессами сближения литературного языка с языком народно-разговорным. Эти процессы, в том числе и заимствование из жаргонной речи, в конечном итоге приводят к обновлению речевых средств выражения, развитию и совершенствованию сферы парадигматических (особенно синонимии) и синтагматических связей литературного языка, к материальному и семантическому росту литературного словаря, к дальнейшему углублению и дифференциации стилистической структуры литературного языка, наконец – к упрочению национально-демократических основ русского литературного языка.

Примечание

В целях терминологической определенности необходимо сделать предварительные разъяснения относительно понятия (и термина) “стилистическая структура”. “Стилистическая структура” – термин Л. В. Щербы (он писал: “Самым деликатным, самым уязвимым и вместе с тем очень важным элементом языка является его стилистическая структура” Щерба, 1957, с. 138). Стилистическая структура литературного языка представляет собой совокупность речевых средств, сложившуюся (и складывающуюся) в повседневной речевой коммуникации носителей литературного языка. Речевые средства внутри литературного языка соотношены между собой с точки зрения предметно-логической, семантической, экспрессивной, социокультурной, жанрово-тематической, функционально-стилистической. В связи с этим речь идет, с одной стороны, о стилистической стратификации внутри литературного языка лексики и фразеологии, форм, синтаксических конструкций, единиц и явлений звукового строя. С другой стороны, рассматривается функционально-стилистическая систематизация речевых средств литературного языка.

Эта совокупность речевых средств организуется, наряду с названными соотношениями, системой литературных норм, регулирующих их использование в общелитературном и специализированном употреблении в рамках литературного языка.

Среди литературных норм наиболее конструктивную, организующую роль играют стилистические нормы, механизм действия этих норм по отношению к различного рода новациям, особенно заимст-

вованьям из внелитературной сферы национального языка и к иноязычным элементам.

Регулируя общелитературное употребление с точки зрения смысловой ясности, точности и семантической дифференцированности, эмоционально-экспрессивной, смысловой, социокультурной нюансировки, функционально-стилистической корректности, стилистические нормы чутко и четко реагируют на новые речевые элементы, так или иначе сигнализируют об ограниченном, условном характере их употребления, а также определяют известную (специализированную) сферу использования или их довольно узкую стилистическую функцию в литературном языке (подробнее см. Бельчиков, 1992).

В то же время стилистическая структура развивается в реальных конкретно-исторических условиях социального (социокультурного) существования литературного языка.

Именно в рамках конкретной культурно-исторической ситуации, которая создается условиями и социального существования литературного языка (в нашем случае – русского литературного языка), развертываются содержательно-смысловой потенциал и выразительные возможности, заложенные в лексико-фразеологическом составе, в грамматическом и звуковом строе, в системе стилей, в конечном итоге – в сформировавшейся внутри литературного языка за многие десятилетия (в широкой исторической перспективе – за века) стилистической структуре.

Под влиянием этой социально-, культурно-исторической ситуации выдвигаются на первый план одни “участки”, фрагменты стилистической структуры, отодвигаются, становятся менее актуальными другие ее компоненты, модифицируются, получают новое наполнение ведущие тенденции стилистического развития русского литературного языка в известный период его истории, складываются новые явления и процессы в стилистической структуре литературного языка, присущие ей в данный исторический период (подробнее см. Бельчиков, 1993).

Литература

Абаев, 1995 – Абаев В.И. Избранные труды. Т.II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995.

Щерба, 1957 – Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Бельчиков, 1992 – Бельчиков Ю.А. Стабилизирующая роль стилистических норм//Филологические науки. №5–6, 1992.

Бельчиков, 1993 – Бельчиков Ю.А. Речевая коммуникация как культурно-исторический и историко-лингвистический фактор функционирования литературного языка//Stylistika, II, Opole, 1993.

Виноградов, 1978 – Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.

Виноградов, 1935 – Виноградов В.В. Язык Пушкина. М., 1935.

Пушкин, 1978 – А.С. Пушкин – критик. М., 1978.

Белинский, 1900 – Белинский В.Г. Полное собрание сочинений, под ред. С.А. Венгерова. Т.IX. СПб., 1900.

Замкова, 1975 – Замкова В.В. Славянизм как стилистическая категория XVIII века. М., 1975.

Вяземский, 1929 – Вяземский П.А. Старая записная книжка. Л., 1929.

Вяземский, 1879 – Вяземский П.А. Полное собрание сочинений (1827–1851). Т. 2. СПб., 1879.

Сорокин, 1965 – Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.

Виноградов, 1938 – Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. Изд. 2, перераб. И доп. М., 1938.

Елистратов, 1995 – Елистратов В.С. Арго и культура. М., 1995.

Волконский, 1911 – Волконский С.В защита актерской техники//Аполлон. №2. 1911.

Бельчиков, 2000 – Бельчиков Ю.А. Отношение А.С. Пушкина к “простонародному языку”//Слово и текст в диалоге культур. М., 2000.

Томашевский, 1956 – Томашевский Б.В. Вопросы языка в творчестве Пушкина//Пушкин. Исследования и материалы. Т. 1. М.; Л., 1956.

